РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

№ 1/83
январь

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

В НОМЕРЕ:

ФОТООЧЕРК, ПОСВЯЩЕННЫЙ 40-ЛЕТИЮ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА;

РЕПОРТАЖ ИЗ УСТЬ-ИЛИМСКА О РАБОТЕ ИнтерССО;

КАК ЛЮДИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В МАРИОНЕТОК — СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ АМЕРИКАНСКИЙ ПУБЛИЦИСТ И ПИСАТЕЛЬНИЦА;

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА ОБ ИСТОКАХ ПОП-МУЗЫКИ

«Миру — мир!», «Нет — ядерному безумию!», «Наша сила — в единстве!» — под такими лозунгами проходил Марш мира-82 Москва — Вена.
На снимках: участники марша, представители более 30 стран, на улицах Москвы, у мемориала жертвам фашизма в Хатыни.
Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО, Б. СЕНЬКИНА

ISSN 0131—5994

На снимках: *(слева)* **София — Вторая международная детская ассамблея «Знамя мира».** *(Справа вверху)* **Берлин — Воскресный молодежный праздник в одном из микрорайонов столицы ГДР.** *(Справа внизу)* **Зруч над Сазавой (ЧССР) — Вечер в клубе, созданном руками молодых. (Подробности в заметках этого выпуска ВМТ.)**

СОФИЯ. Одним из ярких событий лета прошедшего года стала вторая международная детская ассамблея «Знамя мира», на которую в столицу Болгарии съехались ребята из 110 стран. Конкурсы песни и танца, выставки рисунка, вечера поэзии проходили во Дворце народной культуры имени Людмилы Живковой, на стадионе Василя Левского и прямо на улицах и площадях столицы. В то время, как в одном из 14 залов Дворца культуры выступали юные танцоры из КНДР, а в другом зале публика аплодировала виртуозной игре маленького румынского пианиста, на залитой солнцем площади перед Дворцом культуры работали 300 юных художников.

БЕРЛИН. Превратить воскресную ярмарку из обычного торгового мероприятия в красочный и запоминающийся праздник решили молодые продавцы одного из жилых микрорайонов Берлина. Решено — сделано. Об открытии ярмарки возвестил самодеятельный вокально-инструментальный ансамбль. Два кукольных театра и импровизированный цирк попеременно давали свои представления. Огромным успехом у детворы пользовались организованные на ярмарке мастерские игрушек, где каждый мог смастерить и раскрасить самоделку, конкурсы фокусников и художников, старательно разрисовывавших свои полотна на асфальте. Много выдумки понадобилось, чтобы обычное воскресенье стало особенным. Но ребятам из Союза свободной немецкой молодежи фантазии не занимать.

ЗРУЧ НАД САЗАВОЙ. «Дайте мне миллион крон, и я сделаю здесь первоклассный ресторан»,— сказал директор треста общественного питания. «Отдайте нам подвал под старым замком,— сказали активисты Социалистического союза молодежи Чехословакии,— и мы организуем здесь молодежный клуб». Местные власти поддержали инициативу молодежи, и сейчас стоимость клубного помещения и оборудования намного превышает миллион крон. Часть средств, необходимых для приобретения строительных материалов, молодежь заработала на субботниках, а все работы выполнила сама: нашлись и бетонщики, и маляры, и плотники, и дизайнеры. Клуб работает уже второй год (есть свой духовой оркестр, эстрадный ансамбль, коллектив народной песни и танца, дискотека), но строительные работы не прекращаются. В минувшем году ребята построили летний кинотеатр, на нынешний запланировано оборудование в пока еще пустующей части подвала замка концертного зала. Словом, жизнь бьет ключом.

БУДАПЕШТ. Молодежь Венгрии активно участвует в строительстве новой жизни. Вот уже 25 лет в стране существуют молодежные летние строительные лагеря. В 1982 году в летних лагерях работало около 80 процентов молодых венгров, в основном члены венгерского комсомола, они строили железные и шоссейные дороги, собирали урожай, помогали предприятиям пищевой промышленности. В международных молодежных лагерях вместе с молодыми венграми работали их сверстники из Болгарии, Польши, ГДР, Кубы, Вьетнама и Дании.

АДДИС-АБЕБА. В Эфиопии получает распространение подготовка квалифицированных рабочих на предприятиях без отрыва от производства. На курсах молодежь повышает профессиональный уровень, овладевает смежными специальностями, осваивает новую технику. В программу занятий также входят лекции по политэкономии, организации производства, технике безопасности. На крупных предприятиях такие курсы постепенно преобразуются в профессионально-технические училища. Закончив их, помимо профессии, молодежь получает и среднее образование.

ВАРШАВА. В 1982 году в ПНР было выпущено 40 миллионов школьных учебников. Это на 6 миллионов больше, чем в предыдущем году. Свыше половины школьников начальных классов получают учебники бесплатно. Помимо того, в 1982 году государство предоставило школам 200 миллионов злотых специально для приобретения учебников, которые в первую очередь распределяются среди детей рабочих.

КАБУЛ. Более ста юношей приступили к занятиям в новом профессионально-техническом училище, созданном в столице Афганистана при содействии Советского Союза. ПТУ оснащено самым современным оборудованием и будет выпускать квалифицированных токарей и слесарей.

МОЛОДЁЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ГАВАНА. 300 молодых рабочих и студентов из ФРГ, Испании, Франции, Англии, Австрии и Бельгии, влившись в «группу Хосе Марти», приехали на Кубу, чтобы продемонстрировать свою солидарность с кубинской революцией и заявить от имени прогрессивной молодежи своих стран протест против враждебных выпадов американского империализма против острова Свободы. Члены «группы Хосе Марти» поработали на строительстве поликлиники и политехнической школы в окрестностях Гаваны, собирали урожай апельсинов в госхозе. Вернувшись в свои страны, они расскажут правду о жизни кубинцев, о достижениях республики в строительстве социализма.

АФИНЫ. Здесь состоялся очередной VIII фестиваль Коммунистической молодежи Греции (КНЕ), объединенный с традиционным праздником молодежного еженедельника «Одигитис» («Вожак»). Более миллиона гостей и участников фестиваля заявили о своей решимости бороться за мир, разоружение и социальный прогресс. На заключительном митинге фестиваля выступил генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Греции Харилаос Флоракис. Он подчеркнул, что греческая молодежь все более четко осознает свою ответственность за судьбу страны и все активнее включается в политическую борьбу. В фестивале приняли участие представители 45 молодежных организаций разных стран.

РИМ. Очередной 1982/83 учебный год принес новые огорчения родителям итальянских школьников: цены на учебники, портфели, тетради, физкультурную форму и т. п. возросли по сравнению с прошлым годом на 20 процентов.

КОПЕНГАГЕН. Во время осенних маневров военно-морских сил НАТО с датского фрегата «Педер Скрам» по недосмотру был произведен боевой выстрел. Ракета типа «Гарпун» попала в туристский поселок на острове Зеландия. Взрыв причинил поселку значительный материальный ущерб. К счастью, в момент взрыва в поселке не оказалось людей.

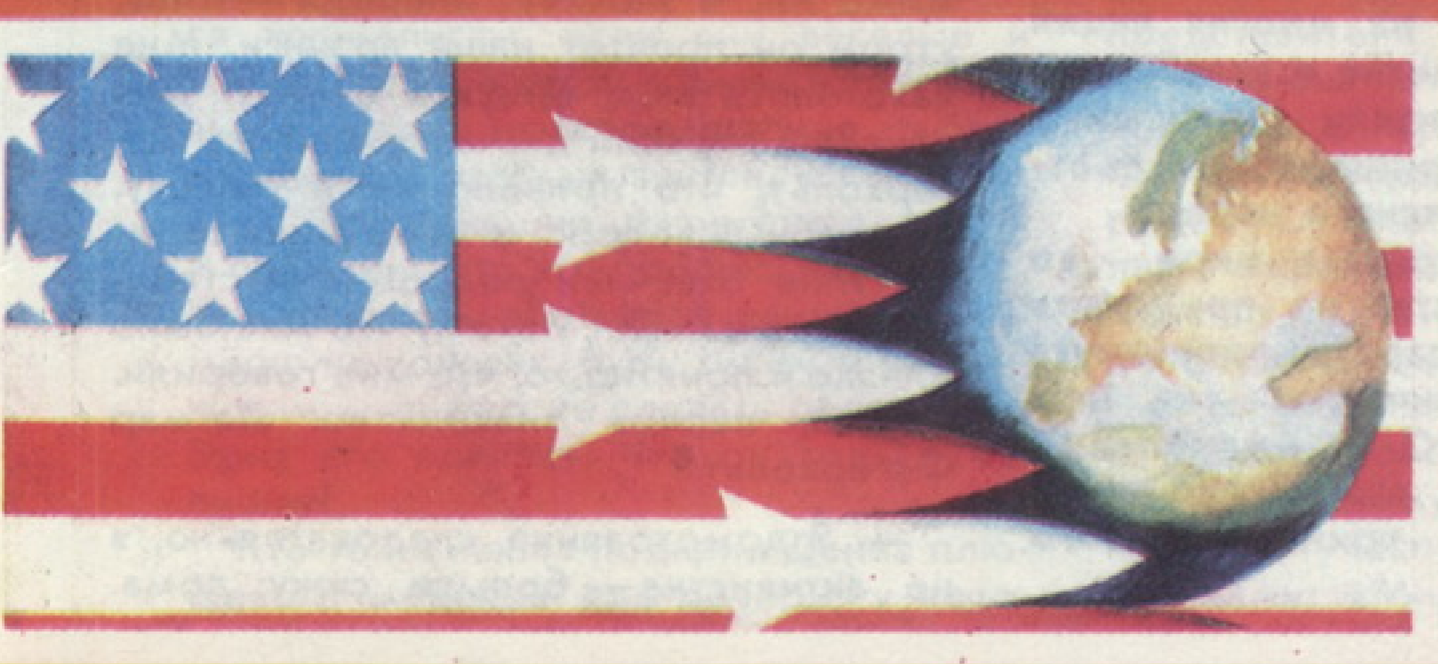
СТОКГОЛЬМ. Начиная с 1963 года в Швеции широко ведется кампания борьбы с курением. По стране курсируют специальные самолеты для некурящих, в шведских ресторанах для курильщиков выделены отдельные столики, а в 1982 году одержана новая победа: запрещено курить в столичном метрополитене. Результаты кампании налицо: если в 1970 году курильщиком был каждый второй швед старше 18 лет, то в 1982-м — уже каждый третий.

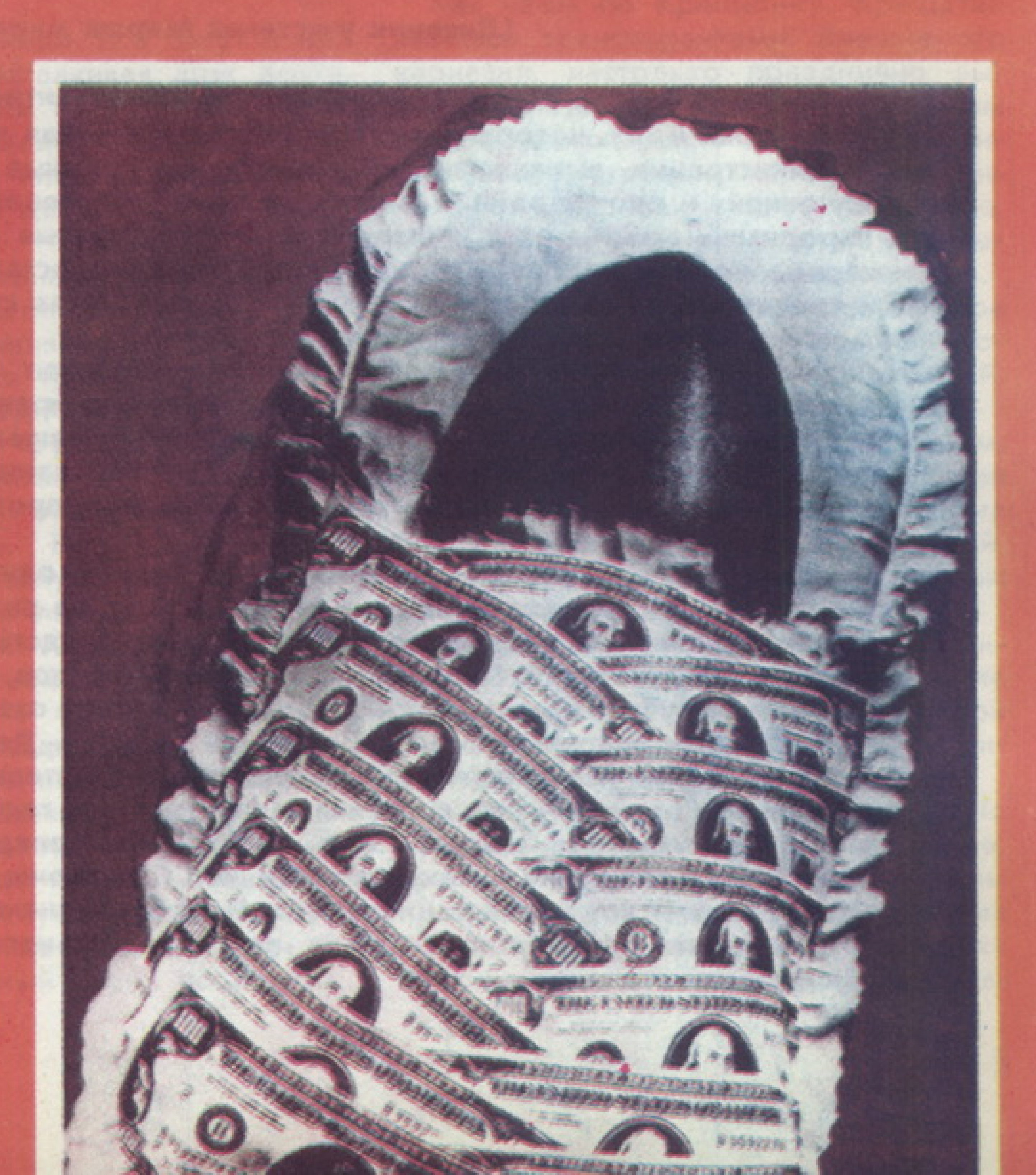
ОКСФОРД. «В прошлом году треть еженедельного заработка средней британской семьи уходила на вооружение» — открытку с таким текстом выпустили английские борцы за мир. Активисты движения за мир продают за символическую плату эти открытки в магазинах самообслуживания, в трамваях и автобусах, у проходных заводов. Собранные средства пойдут на организацию походов против размещения ядерного оружия на территории Великобритании.

ВАШИНГТОН. Как сообщает еженедельник «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», на базе американской армии Форт-Ирвин «обнаружено» подразделение «Советской Армии». 1200 американских солдат и офицеров, одетых в форму Советской Армии, с оружием и боевой техникой, будут исполнять роль противника на очередных военных учениях. Как пишет американский еженедельник, «этот маскарад обошелся налогоплательщикам в 300 миллионов долларов. Его цель — психологически подготовить солдат к войне с русскими».

КАНБЕРРА. Австралийские педагоги озабочены разлагающим влиянием американских программ, заполонивших телевидение страны. «Каких выдающихся людей Австралии вы знаете?» — такой вопрос был задан трем тысячам школьников в возрасте от 11 до 15 лет. Ответ привел учителей в смятение: «Элвис Пресли, принц Чарлз, Бьерн Борг». На вопрос, какие предметы символизируют Австралию, ребята ответили: «Ковбойские сапоги и статуя Свободы». Многие из опрошенных школьников заявили, что жизнь в Австралии стала бы лучше, если бы можно было «перестрелять всех аборигенов и избавиться от итальянцев и греков». Профессор Уайзман, руководивший опросом, считает, что австралийская школа оказалась бессильной противостоять напору американской пропаганды, воспитывающей узколобых, невежественных расистов.

На снимках: работы студентов ГДР, победителей конкурса политического плаката, проходившего под лозунгом «Миру — мир!», который был организован Союзом свободной немецкой молодежи. О нем рассказал журнал «Всемирные студенческие новости».





ТЕЛЕГРАФ

...ЗА ОБЩЕЕ ПРАВО НА МИР!

(Дневник участника Марша мира-82 Москва — Вена)

Минувший, 1982 год отмечен мощным подъемом антивоенного движения. Реальная угроза миру, которую несут империалистическая политика вашингтонской администрации, вынашивающей убийственно опасные планы «затяжной», «ограниченной» и прочих войн, и милитаристские приготовления НАТО всколыхнули народные массы на всех континентах. Многотысячные марши мира, скрепленные миллионами подписей петиции с требованием остановить гонку вооружений свидетельствуют не только о растущей тревоге за судьбы мира, но и о решимости народов предотвратить ядерную катастрофу.

Видное место в антивоенном движении принадлежит молодежи. Призыв XI Ассамблеи ВФДМ «Объединяйся в борьбе за общее право на мир!» встретил горячий отклик молодого поколения, активно включившегося независимо от политической, идеологической и религиозной принадлежности в провозглашенную ВФДМ кампанию «Всемирные действия молодежи против ядерной угрозы, за мир и разоружение».

Марш мира-82, прошедший от Москвы до Вены,— одна из многих акций советских людей, выступающих против угрозы войны, за развитие и углубление процесса разрядки. Участвовавшие в этом марше представители зарубежных стран воочию убедились, что Программа мира для 80-х годов, принятая XXVI съездом КПСС, пользуется единодушной поддержкой всего советского народа.

С первого законодательного акта Советской власти — Декрета о мире — до недавнего решения исключительной важности — обязательства не применять первым ядерное оружие — вся политика нашей партии и государства проникнута искренним стремлением сберечь мир. «...Военное соперничество — не наш выбор,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов.— Мир без оружия — вот идеал социализма». И об этом знают, это высоко ценят народы, видящие в Советском Союзе последовательного, принципиального и надежного гаранта мира.

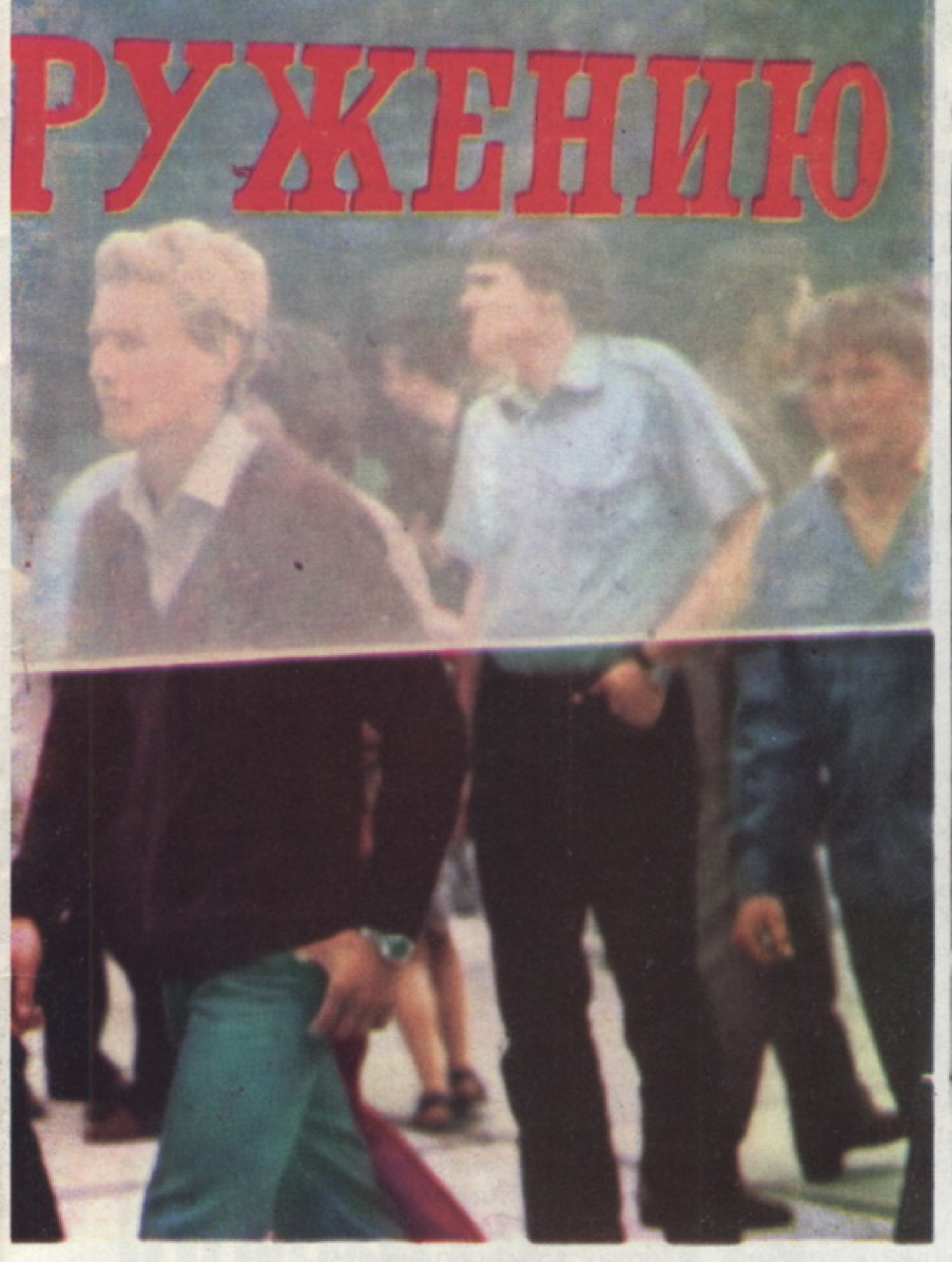
30 июля 1982 года.

Мы выехали с Киевского вокзала. Нас около двухсот. Мы — из 30 стран. Когда нас — Марш мира-82 Москва — Вена — провожали, то на лозунгах слово «мир» повторялось на многих языках. Пока мы не знаем друг друга, вернее, мы знаем друг о друге немногое, но главное: нас объединяет одна цель, одно стремление — мир, слово, имеющееся в каждом языке, понятное всем...

Я вышел в коридор вагона и увидел, что там идет оживленный разговор. Очевидно, купе пусты. Коридор набит битком. Еще бы, часто ли доводилось парню из Бенина беседовать с английским лордом, а японскому буддисту с очаровательной финской девушкой. Их беседа была полна того достоинства, с которым обычно разговаривают люди, прекрасно знакомые с предметом. Поезд слегка покачивало, и спящие вагоны других поездов мчались мимо нас в Москву. Впереди — Киев, утром он прочтет наши лозунги. Мне захотелось включиться в беседу. Для начала я спросил датчанку Дагмар Фагерхольт, что привело ее в Москву. Волшебный вопрос, отмыкающий сердца! Мне отвечали подробно и старательно, а я кивал, потому что мне было близко и понятно то, что мне говорили.

Итак, первое знакомство. Дагмар Фагерхольт.

— Я домохозяйка, следовательно, я не активистка — больше сижу дома.



Но бомбы — страшно. Поэтому я не могу сидеть дома. Сейчас я, как и тысячи, а может быть, и миллионы людей, покончила с обывательской психологией невмешательства. Это со мной случилось в декабре 1979 года. Я все же не считаю себя активным борцом за мир. Но надо протестовать против бомб всем. Ядерные ракеты, которые американцы собираются разместить в Европе, страшны для нас всех. Когда я участвую в мероприятиях, связанных с протестом против ядерного оружия, я чувствую себя в бо́льшей безопасности. Я и мой дом, мои дети мне кажутся лучше защищенными. Во всяком случае, я выполняю свой долг перед ними.

Еще я успел переброситься парой слов с «типичной», как мне показалось, американкой Дениз Янг (высокая, в очках, строгая, холодная улыбка и куча вопросов, на которые я ответил лишь: «Сами увидите») и с австрийским журналистом по имени Эрих. Мне нравятся журналисты, если они веселые и живые парни, которые знакомятся первыми, сразу превращаются в твоего приятеля и, что называется, «свой в доску». Эрих внешне, разумеется, такой. Я понимаю, что это профессиональное. При скорости, с которой движется наш марш на колесах, быть тихим и застенчивым — значит не сделать репортажа. Эрих его сделает. Что он только напишет?

Кто-то из наших подарил Дениз плюшевого медведя для дочери, у которой скоро день рождения. Дениз привычно улыбнулась, а глаза изумленные-изумленные.

31 июля.

Светловолосую финскую девушку зовут Тарья Хайли. Она член руководства организации Молодые коалиционеры.

Киев!

Люди, люди, люди. Все бегут к нашим вагонам, расталкивая друг друга цветами. На улице весь Киев. С привокзальной площади началось шествие. Я как будто впервые увидел, как много вокруг нас детей. Или это только в Киеве?

— Киевляне познали ужасы фашистской оккупации. Они мужественно сражались против фашизма в годы войны. Они мужественно трудились над восстановлением родного края, а ныне самоотверженно трудятся во имя мира, во имя процветания своего народа, всей нашей многонациональной Советской Родины. Вас приветствуют представители республики, которая в годы войны потеряла 4,5 миллиона сыновей и дочерей! Совместными усилиями при братской помощи всех народов Советского Союза возрождалась Украина, поднимался из руин Киев во имя мира, во имя счастья подрастающих поколений.

Это сказал на митинге Олесь Гончар. В толпе я поискал глазами знакомых. Как по-разному слушают люди!

Среди участников митинга люди со значками: «Мирный круиз по Волге». Как они здесь оказались? Я выяснил: это американцы, соотечественники Дениз. Они совершали свой собственный марш, но с берегов великой реки решили примчаться к берегам Днепра только для того, чтобы в день прибытия нашего марша присоединиться к нему.

1 августа, утро.

Мы идем по Крещатику. Крещатик завешан транспарантами. Внешне это карнавал, настолько празднично выглядят люди, настолько непривычны одеяния некоторых. Например, буддисты. Они построили «каре», монотонно бьют в барабан и поют монотонно, а впереди их старший с флагом на телескопическом алюминиевом шесте.

На трибуне митинга киевлянка Вера Чернота. Сейчас, наверное, она особенно красива — мать семерых детей, взволнованная и встревоженная.

— Война ненавистна нам, женщинам, дающим новую жизнь! У нас в стране нет и не может быть ни одного, кто был бы заинтересован в гонке вооружений, в войне. Советские люди солидарны со всеми в мире, кто борется за мир.

Следом за Верой на трибуну поднимается Анта Лумба из Индии. То же волнение, та же тревога, точно такой же убежденностью дышит смуглое лицо маленькой женщины.

— Моя страна далеко отсюда. Но мы решили принять участие в марше, потому что понимаем: вопросы войны и мира сегодня касаются всех. Ядерная война не знает «далеких» и «близких» континентов. Если она вспыхнет в Ев-

ропе, то она поразит всех — в Южной Азии она найдет свои жертвы тоже.

Я вспомнил о Дагмар Фагерхольт, которая стала участвовать в борьбе за мир потому, что ее Европе стали угрожать бомбами (разве угроза «разместить вооружение» не означает угрозу применить его?), сейчас она должна хорошенько понять то, что говорит индианка. Собственно, это еще одна цель всех — понять друг друга.

Ко мне подошел довольный Эрих. Наконец можно поговорить с ним просто, не чувствуя, что он собирает материал для своей статьи. Теперь сам Эрих ответил на заданные вопросы. Оказалось, что он коммунист, работает в коммунистической газете «Фолькс-штимме», которая издается в Вене.

— Послушай,— сказал он,— я могу поделиться моим, видишь ли, моим фактом. Я тут нашел такую семью, это украинская семья. Они приехали сюда ради марша за триста километров. Представляешь, триста километров! Целая семья. Дети. Женщина-мать. Все не путешественники: очень домашние. Вот что я сам нашел.

У них, у журналистов, трудная работа. Эрих ушел, беззаботно насвистывая.

Вечер того же дня.

Фотокорреспондент ходит за Тарьей Хайли, наверное, ему нужно в кадре юное лицо — символ марша. Расскажет ли его фотография, как хороша Тарья и как искренни и прекрасны лица вокруг!

2 августа.

Карпаты — спящий великан в зеленой шубе. Даниэль Бентим из Ганы говорит по-русски с проводником. Проводник спрашивает о впечатлениях — долг хозяина. И Даниэль отвечает ему и жалуется, что покидает СССР вместе с поездом, в котором они сидят и пьют чай. За это проводник наливает Даниэлю шестой стакан и сам вздыхает и понимает Даниэля.

Ужгород. Лозунг: «Геть нейтронную бомбу!» Тихий голос в микрофон, это австрийка из группы «Хиросима»: «Нам надо проснуться, выйти из обывательской спячки». Я это слышал от Дагмар Фагерхольт. Она тоже говорила об обывательской психологии, о «спячке». Со мной хотели поговорить по-английски две выпускницы средней школы, но отошли, разочарованные: наш. Обидно: я бы мог ответить на вопрос, что привело меня к ним.

На площади последний митинг. Я уже привык наблюдать за теми, кого хоть немного почувствовал, понял или хотел бы понять. Опять потерял лицо Дениз, стопроцентной американки. А мне бы хотелось ее сейчас увидеть. Ведь я ей сказал: «Вы все увидите своими глазами». Увидела?

— ...И теперь я могу честно сказать здесь, на этой площади в последний день моего пребывания на советской земле: я воочию убедилась, насколько искренне, глубоко и сильно стремление советского человека видеть мир ненарушенным, насколько сильно его желание сохранить мир, жить в мире со всеми народами, жить в дружбе, не готовясь к войне, без страха. Я обещаю вам, что расскажу на родине о том, что видела в СССР, и попытаюсь, насколько это окажется мне по силам, изменить извращенное представление некоторых моих соотечественников, даже друзей, о Советском Союзе, его политике и о советских людях. Я буду говорить лишь о том, что я видела своими глазами.

Сильный, звучный, молодой голос. Английский язык американки. Настойчивая интонация убежденности. Я посмотрел на трибуну. Я не смог долго рассматривать лицо Дениз Янг. Она уже уходила от микрофона. Тогда я зааплодировал от души.

Сейчас мы разделимся на две группы. Мы поедем в Чехословакию. Другие — в Венгрию.

Два пограничных столба, которые разделяют государства, но не людей, не их мнения, даже не их историю. Мы идем навстречу хозяевам по Саду дружбы. В саду этом растут яблони. Наш маршрут по Чехословакии символичен. Тридцать семь лет назад по тому же пути советские воины несли освобождение братьям. Из истории освобождения мне особенно дорога история спасения Праги. Я видел киноленты, я могу представить себе, как к изнемогавшей Праге шли наши...

Кратко о впечатлениях в Чехословакии. В яркую манифестацию вылилась встреча в Банска-Бистрице. Это центр восстания, поднятого тридцать восемь лет назад против фашистских оккупантов, это символ несгибаемого мужества, воли к свободе. На митинге, состоявшемся там, было подчеркнуто всеми: мир неделим, он в равной степени нужен народам всех стран независимо от их социально-политической ориентации. Была решительно отвергнута демагогия агрессивных кругов НАТО, с помощью которой они хотели бы усилить военную конфронтацию, ввергнуть народы в войну, превратить Европу в ядерный полигон. Американец Дэвид Браун назвал США, его политиканов центром мировой реакции. В доказательствах этой мысли участники марша не нуждались.

— Но и в нашей стране,— сказал Браун,— ширится движение за мир, особенно среди молодежи.

В Братиславе на площади имени Клемента Готвальда говорил приматор города Ладислав Мартинак:

— Наш город на протяжении своей богатой многовековой истории был не только перекрестком крупных торговых путей, но и местом, которое не обошли стороной военные конфликты. Поколение, испытавшее вторую мировую войну, еще живо. Мы помним ужасы войны, мы помним зверства фашистов, против ига которых наш народ восстал с оружием в руках. Сегодня нет важнее задачи, чем сохранить мир.

6 августа.

Вена в эти дни явила нам картину спокойного и благополучного ожидания осени.

Колонна с демонстрантами прошла по улицам к собору святого Стефана 6 августа — в день памяти жертв Хиросимы и Нагасаки. Здесь Марш мира завершался. А в этот же день в США по-своему отметили печальную дату: был произведен очередной подземный ядерный взрыв. Взрыв негодования — наш ответ.

На площади более 30 тысяч борцов за мир из 30 стран. Надписи на плакатах можно прочитать лишь полиглоту. Но их содержание понятно всем.

«Не допустим Евросимы!», «Нет — ядерному оружию!», «Да — разоружению и миру!», «Мистер Рейган, Европа не полигон для ограниченной ядерной войны!»

— У нас осталось всего пятьдесят восемь недель до того момента, когда планируется начать размещение американских ракет,— сказала на митинге Хильдегард Климмек, одна из организаторов Марша мира-82 Западный Берлин — Вена.— Пусть там, где собираются разместить ракеты, возникнут «деревни мира»!

— Мы, несомненно, внесли свой вклад в благородное дело спасения человечества и планеты от уничтожения,— сказала Ева Нордбард из Норвегии,— и мы призываем всех борцов объединить усилия. Нужен диалог простых людей. Нужен разговор. Участники марша, вернувшись домой, расскажут об увиденном друзьям. Те передадут их слова дальше. Мы куем цепочку взаимопонимания.

7 августа.

Домой! Марш расходится по домам. Марш продолжается — он расходится по планете. Мы помним, что мы обещали друг другу. Мы — это хор людей планеты. Мы — голос разума и тревоги.

Мои сандалии разбиты вдрызг. Домой. Я простился со всеми: пожал руку Эриху, поискал глазами Дениз, она заметная.

P. S. Одно из событий нашего пребывания в Вене не дает мне покоя. Во время некоего «собрания» в одной из венских школ какой-то тип, называвший себя «борцом за мир», стал разглагольствовать об ответственности СССР за напряженность в мире. Но кто создал первую атомную бомбу и испытал ее смертоносную силу? Кто принял на вооружение самые различные типы оружия массового уничтожения? Разве не известно всему миру, чье правительство заявило о возможности «ограниченной ядерной войны», о нанесении превентивного ядерного удара, планирует размещение ракет в Европе и до сих пор не дало положительного ответа на призыв всего мира последовать примеру Советского Союза, взявшего на себя обязательство не применять ядерное оружие первым?

Я не был в этой школе и не задал эти вопросы. Их задали другие. «Борец» был посрамлен. Этот — посрамлен.

У меня не проходит чувство тревоги. Оно не пройдет, я думаю.

Борис ТИХОМИРОВ

40 ЛЕТ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

ПОМНИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

М. ШИШКИН,
Л. ОГАРЕВ (фото),
наши спецкоры

Из книги отзывов иностранных гостей Ленинграда:

«У нас часто показывают кино про войну, но, только побывав здесь, я понял, что та война, какой ее показывают в наших фильмах, ненастоящая. Мы все, наши страны, победили и потому, что Ленинград выстоял.
М. Сидейн, США».

«Ленинград — прекрасный город. Он весь чудо. Просто не верится, что на этих улицах умирали люди. Они боролись и за то, чтобы мы теперь наслаждались всей этой красотой. Отблагодарить их мы можем только тем, что будем жить в мире и никогда не пустим в этот завоеванный ими мир войну.
Таня Стройкова, Болгария».

«Время уходит, а подвиг ленинградцев остается жить.
Делегация из Финляндии».

«Ленинград учит нас жить и побеждать.
Клаудио Санчес, Педро Варгас, студенты из Никарагуа».

«Мы, немцы, никогда не забудем, чем мы обязаны советским людям.
Л. Гутцайт, Кведлинбург, ГДР».

...Эрих Гизе преподает музыку в одной из гимназий Гамбурга. В Ленинград он приехал со своими учениками. Сейчас, приподнявшись в кресле «Икаруса», он оглядывается, все ли в автобусе. «Все,— говорит он.— Можно ехать». Девочка-экскурсовод захлопывает дверь, устраивается на своем месте и проверяет микрофон, постукивая по нему пальцами. «Икарус» разворачивается и выезжает на засыпанную опавшей листвой улицу.

— Восьмого сентября 1941 года,— начинает она экскурсию,— немецко-фашистские войска заняли Шлиссельбург. Ленинград оказался отрезанным от Большой земли. Началась блокада, продолжавшаяся 900 дней и ночей. К этому дню в городе находилось 2 миллиона 544 тысячи жителей. Из продовольственных запасов оставалось: крупы на 29 дней, мяса — на 25, хлеба — на 17...

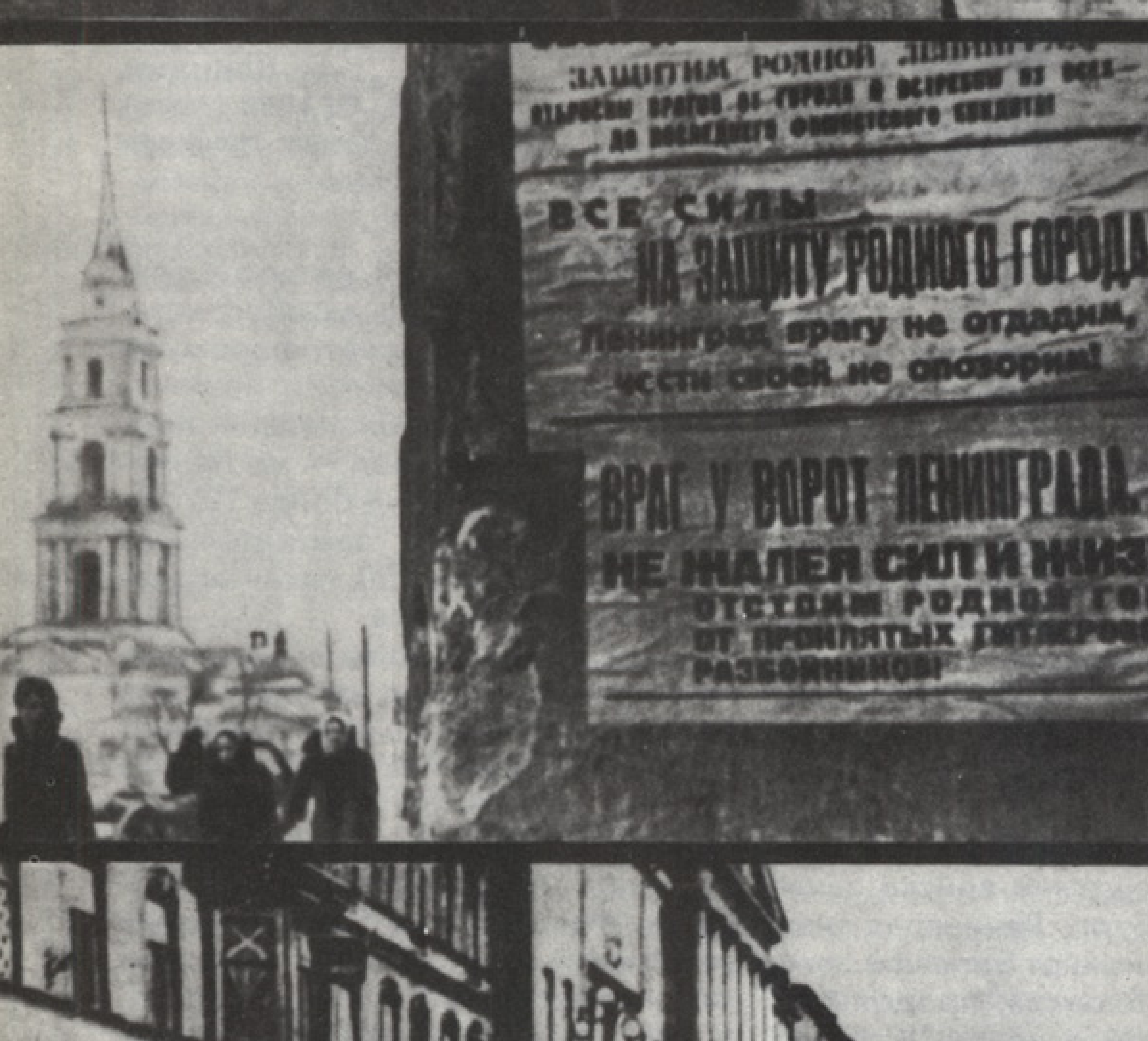
За окном петергофские фонтаны качаются на осеннем ветру. Охапки брызг относит далеко в сторону. На лобовом стекле «Икаруса» распластался огромный желтый лист, прижатый напором воздуха. Только когда автобус останавливается перед светофором, он соскальзывает вниз.

— За период блокады — продолжает экскурсовод,— на Ленинград было сброшено более 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб, выпущено 150 тысяч артиллерийских снарядов.

— Я хотел учиться в консерватории,— Эрих Гизе снимает очки с толстыми стеклами и протирает их салфеткой из пакетика,— а вместо этого меня призвали в армию. Я служил в музыкальной команде. Немцы очень любят музыку. Мы играли победные марши в Бельгии и во Франции. Потом нас перевели на Восточный фронт. Сюда, под Ленинград. Так получилось, что мы попали в плен, хотя музыкальная команда всегда в тылу. Нас захватили советские солдаты, прорвавшиеся из окружения. Это было в октябре 1941-го, Ленинград уже был в блокаде. Так и я оказался в блокаде.

— Тысячи добровольцев,— рас-

на страницу 10 ▶


ВСЕ СИЛЫ
НА ЗАЩИТУ РОДНОГО ГОРОДА!
Ленинград врагу не отдадим,
чести своей не опозорим!
ВРАГ У ВОРОТ ЛЕНИНГРАДА.
НЕ ЖАЛЕЯ СИЛ И

смотрите:

900 ДНЕЙ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

со страницы 7 ▼

сказывает экскурсовод,— ушли защищать свой город. Рабочие батальоны, когда не хватало винтовок и пулеметов, вооружали ружьями, бутылками с горючей смесью, саблями, кинжалами, пиками. Из 1824 командиров в дивизии Кировского района было только 10 кадровых военных. Не сумев взять город штурмом, гитлеровцы решили принудить его к капитуляции бомбежками, артобстрелом, голодом. Поздней осенью на Ладоге начались штормы, судам пришлось прекратить рейсы. За три месяца нормы выдачи хлеба сокращались пять раз. С 20 ноября люди получали 125 граммов в сутки. С приходом зимы не стало хватать топлива. Замерз водопровод. Прекратилась подача электроэнергии...

— Нас было совсем немного,— говорит Эрих Гизе,— и мы, конечно, боялись, что нас убьют. Или что мы умрем с голода. Мы видели наши лагеря для советских военнопленных. На что после этого мы могли надеяться, да еще оказавшись в городе, обреченном нами же на голодную смерть. Вы, русские, удивительные люди. Мы ведь были врагами, а нас кормили так же, как и всех ленинградцев. Я не знаю, чтобы еще где-нибудь такое было. Я помню эти нормы. Мы все очень страдали от голода, мы и наши конвоиры. Одного из них звали Саша. Это был рыжий великан. Он стрелял из своей винтовки ворон и варил из них суп. Он стрелял их для нас тоже. Если бы не тот суп, я не знаю, как бы я тогда выжил. Я ел его и вспоминал концлагерь для русских под Новгородом. Как их морили голодом, как на глазах падающих от голода людей скармливали мясо псам. А мы стояли и играли. Это страшно, но это было так. Вы, русские, удивительные люди. Саша спасал нас, просто спасал. Я помню тот блокадный город, изможденных людей, я помню... Однажды нас вели мимо проруби, в которой ленинградцы брали воду. У них не было сил тащить ведра, многие падали...

Тени от деревьев скользят по лицу Эриха Гизе, и он прикрывает глаза ладонью. Пальцы тонкие, просвечивают на солнце.

— Наши генералы надеялись на беспорядки, на голодные бунты в городе. Это было бы естественным. Для них. А тут, в Ленинграде, естественным было другое. Я никогда не забуду, как один старик с мальчиком везли тяжелые санки. И вдруг санки опрокинулись, и на снег посыпался хлеб. Много хлеба. Сразу набежали люди. На них страшно было смотреть. Но никто не взял себе ни кусочка, хотя милиционера или военного патруля рядом не было. Оказывается, старик сказал людям, что хлеб — для детской столовой. В ФРГ много книг про войну и про Ленинград. Авторы некоторых из этих книг делают вид, а может, и вправду не понимают, зачем нужны были все эти ужасы, эти муки, жертвы, страдания. Они пишут, что ведь можно было сдать Ленинград, ведь объявили же Париж открытым городом, и с другими европейскими столицами ничего подобного не было. Те, кто это пишет, они не были тогда в Ленинграде. Они не видели тех людей. Это трудно объяснить, но те люди, в том блокадном Ленинграде, они не могли сдать город. Просто не могли...

Мы подъезжаем к Пискаревскому кладбищу.

— Гальдер, начальник генштаба германских войск,— говорит экскурсовод,— записал в дневнике: «Непоколебимым решением фюрера является сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы будем вынуждены кормить в течение зимы».

Здесь, на этом кладбище, братские могилы ленинградцев. Мерзлую землю невозможно было копать, ее взрывали динамитом. Но, несмотря ни на что, город стоял.

Заводы давали продукцию фронту. Кировский завод находился в трех километрах от передовой и постоянно попадал под артобстрел. В цехах был 20-градусный мороз. Станки приводили в движение велосипедной передачей. Люди еле держались на ногах от недосыпания, утомления, голода, но продолжали работать. Одно время в городе работал единственный хлебозавод, но и тот мог остановиться, потому что не было воды. Тогда девушки из отрядов противовоздушной обороны стали носить воду ведрами. Работали театры. Люди шли в концертные залы слушать музыку. Для детей устраивались новогодние елки. Рабочие Ленинграда урезали свои и без того крохотные пайки, чтобы больше хлеба шло на фронт, солдаты на передовой просили уменьшить пайки им, чтобы можно было не сокращать нормы гражданскому населению.

...Дует по-осеннему пронзительный ветер, срывая, словно материю, куски пламени. Мы ходим между братскими могилами. Тополя облетели. Под ногами шуршат листья.

— У нас в гимназии ребята каждый год куда-нибудь едут,— говорит Гизе.— Наверно, действительно человек не может по-настоящему жить, если он не побывал в Лувре, Эрмитаже. Я всегда приезжаю с моими учениками сюда. Они ведь ничего не знают про ту войну. Мне кажется, что, не зная о том, что тогда было, не побывав вот здесь, тоже нельзя по-настоящему жить. Иногда я думаю, что если все люди узнают о том, что́ тогда здесь, в блокадном городе, было, то,—он некоторое время молчит, потом чуть пожимает плечами,—то может быть, никогда войны больше не будет?

Ветер гонит по дорожке листья, и какое-то мгновение они кружатся вокруг нас.

— У нас здесь очень много экскурсий,— продолжает Гизе,— но один вечер каждый раз бывает свободный. Мои ребята идут гулять по Невскому и к Неве. А я сажусь в трамвай и еду в толкучке — у вас в часы «пик» всюду толкучка. В Ленинграде все дома по улицам шпалерами. И иногда вдруг вместо дома дворик. Я прихожу в один такой дворик и сажусь на скамеечку. Там теперь детская площадка, а раньше был дом, который разбомбило, и мы его разбирали. Начался обстрел, и мы все спрятались, а Саша вдруг выскочил — какая-то женщина поскользнулась и не может встать, а кругом взрывы. Его убило осколком. Сразу убило. Сегодня у нас как раз после ужина свободное время. Это надо ехать на втором трамвае...

Из книги отзывов иностранных гостей Ленинграда:

«Вы, ленинградцы, совершили невозможное, вы выжили. Вы победили.
Уольсон, Гётеборг, Швеция».

«Отсюда, из Петергофа, Ленинград видно невооруженным глазом. Фашисты стояли здесь два года, а Ленинград так и остался непокоренным.
Хуан Камачо, Куба».

«Мы преклоняемся перед мужеством ленинградцев. Это люди, которые победили смерть. Те блокадные 900 дней — их нельзя себе представить. Их можно только пережить. Они пережили это, чтобы мы никогда такого не знали. Они пережили это за нас.
Божена Илчикова, Брно, Чехословакия».

«Две трети человечества родилось уже после этой войны. Если мы все время будем помнить о тех ужасах, о том Ленинграде, мы сильнее войны.
Бак Блум, студент из Ирландии».

«Ленинград, Хиросима, Бейрут. Как я хочу, чтобы меньше было таких городов, при упоминании которых думаешь о человеческой боли.
С. Стерн, медсестра из Пенсильвании, США».

«Надо знать, какой бывает война, чтобы понять, какое благо — мир.
Иштван Збара, Венгрия».

«С русскими нельзя воевать. С русскими можно только дружить.
Инесса Манншатц, Кёльн, ФРГ».

Трудно представить себе, чтобы компания из 60 человек, усевшись в час досуга на завалинке, вдруг затеяла общий непринужденный разговор. Да и где взять такую завалинку на 60 персон? А я знаю 60 человек, которые умеют общаться одновременно и к общему удовольствию. Встретил я их в Усть-Илимске. Это был интернациональный студенческий строительный отряд «Усть-Илимск-82». В свободное от каникул время эти ребята учатся в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина. Учатся себе и не всегда знакомы друг с другом до той поры, пока в институте не появляется объявление о наборе в отряд «Усть-Илимск».

Каждый год выясняется, что желающих гораздо больше, чем требуется. Желающие не промах: за отрядом закрепилась ежегодно подтверждаемая добрая слава. Все знают, что «Усть-Илимск» не просто хорошо, а именно то, что нужно и самим студентам, и городу, и государству, и другим странам — членам СЭВ, участвующим в строительстве Усть-Илимского лесопромышленного комплекса — ЛПК.

По традиции зональный студенческий стройотряд «Дружба» интернационального состава формируется под эгидой ЦК ВЛКСМ. «Дружба-82» — это двенадцать линейных отрядов и шестьсот бойцов из Москвы, Ленинграда, Иркутска, Одессы, Харькова, Киева, Минска, Львова, Баку. Это сто девяносто ребят из Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Вьетнама, Польши, Кубы и других социалистических стран.

Появление такого студенческого отряда — событие не только для строительных объектов Усть-Илимска (ЛПК, ГЭС, хлебо- и молокозавод, благоустройство города), но и для самого города.

Ну в самом деле, часто ли на город с самолета сбрасывают листовки? Нет, только 8 августа, в День строителя, и праздник ССО, который стал праздником для всего Усть-Илимска. В листовках, которые кружатся над митингом солидарности молодых строителей, слова о том, в какой замечательной стройке довелось им участвовать, и о том, что работать нужно тоже замечательно.

В этот же день благодаря совместным организационным стараниям штаба зонального ССО «Дружба» и горкома ВЛКСМ проводится конкурс студенческих агитбригад, спортивные состязания, включая футбольный матч сборной социалистических стран (ССО) и сборной Усть-Илимска, а также вечер интернациональной дружбы во Дворце культуры «Гренада».

Бойцы из «Дружбы» в свободные часы бывают в пионерских лагерях с концертами и рассказами о своих вузах и странах, устраивают субботники по строительству детских площадок, над которыми взяли шефство. В этом году в общегородском конкурсе профессионального мастерства студенческое интерзвено каменщиков в составе: Л. Шельцин (СССР) и М. Хуинь (СРВ) — заняло второе место в состязании среди профессионалов и асов строительного дела.

Случаются и «незапланированные события». Так, медик по профессии и главный врач зонального отряда по положению Андрей Михайлов, устав от профессиональной недогрузки, вызванной отменным здоровьем бойцов

М. БЕРГЕР,
наш спец. корр.
Фото автора

ТАКАЯ ВОТ ИНТЕРКОМПАНИЯ...

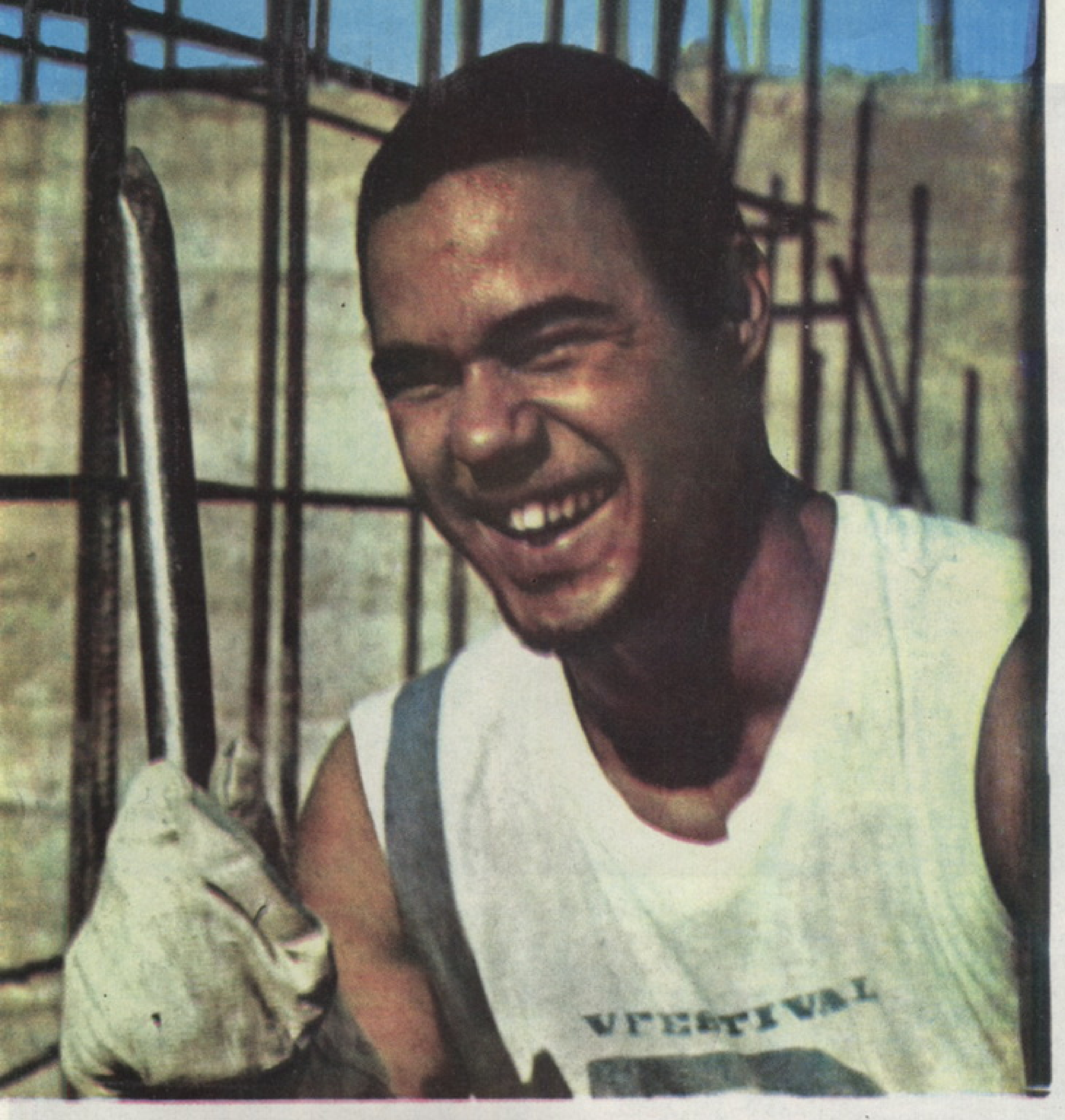
отряда, отправился как-то после работы в городскую больницу, хотя бы поговорить о болезнях. Однако поговорить в этот вечер ему не пришлось. Из родильного отделения сообщили, что одной женщине срочно требуется помощь анестезиолога-реаниматора. И Андрею, недавно получившему эту специальность, разрешили помочь.

— А без тебя бы не обошлось? — спрашивали его потом в штабе.

— Может, и обошлось бы, кто знает, но в таких случаях всегда надежнее с ассистентом как раз моего профиля, а там такого не было.

Появившаяся в тот день на свет новая гражданка Усть-Илимска, может, никогда и не узнает, что первую в ее жизни помощь ей оказал боец из ИнтерССО «Дружба» Андрей Михайлов.

Но вернемся к нашей компании — линейному отряду «Усть-Илимск-82» — составной и органической части всей «Дружбы». В результате здоровой конкуренции и тщательного отбора, проводимого институтским комитетом ВЛКСМ, отряд-компания сформирован, и может он очень многое. Об этом



хорошо знают в институте и не всегда на стройке. Каждый год принимают различные строительные организации города, которые не в курсе прошлогоднего отрядного «реноме». Поэтому каждый раз приходится начинать все сначала. Прямо хоть справку о высокой трудоспособности бери. Если известный отряд отлично работает один год — случайность? А если следующий тоже? Совпадение? А если третий? Опыт? Закономерность!

Отряд губкинцев приезжает в Усть-Илимск уже в шестой раз, трижды признавался лучшим в зоне. И когда закономерность не учитывается, происходит то, что имело место в 1980 году. Отряд в полном составе принял пусковой объект: объединенное автохозяйство. Не очень прозорливые прорабы предполагали, что дел там хватит на десять таких отрядов и не на один сезон. И неожиданно (для прорабов) через три недели все оказалось сделанным, фронт работ исчерпанным, а впереди времени больше, чем позади. Представители принимающей организации, когда их возили по готовому объекту и взамен требовали другой, неготовый, в ответ только руками разводили.

В этом году подобных сюрпризов нет. Принимающая организация — Управление строительства Усть-Илимской ГЭС — по общему взыскательному мнению, на высоте. На строительстве гаража спецмашин много чисто студенческой, как говорит комиссар отряда Володя Сапунцов, работы — укладка бетона. Выполнил ее отряд, по своему обыкновению, гораздо раньше срока, в связи с чем в управлении стали всерьез поговаривать о «размораживании» одного отложенного из-за нехватки рабочих рук объекта.

В такой сноровистой работе и крепнет хорошая компания, ибо общее дело лучше всякой общей беседы.

Под семью флагами отряда (по числу стран — участниц работ) господствует приставка «интер»: интеротряд, интербригада, интервечер и так далее. И даже столовая, клуб, красный уголок конференц-зал, лекторий и тому подобное (все в одном помещении), построенном собственноручно международной бригадой квартирьеров отряда, называется «интеризба». Любимый день недели в отряде — среда, который, естественно, называется «интерсреда».

Обедает компания с легким разнобоем: кто-то раньше, кто-то позже, в разумных пределах, конечно. И это не распущенность, а уважение к работе. Нельзя бросать раствор или заставлять ждать подошедшую технику. С припозднившейся сверх меры бригадой Юрия Кузнецова комиссар все же поделился своими соображениями о том, что отрядный камбуз не ресторан и что холодный борщ усваивается хуже горячего. В свою очередь, Юра высказался в том смысле, что прием бетона от приема пищи отличается тем, что с ним нельзя «погодить». Бетон не борщ — не разогреешь.

— На Кузнецова невозможно обижаться,— говорит комиссар.— Он уникум и фанатик стройотрядов. Тринадцатый раз приезжает. Всю учебу, всю аспирантуру, а сейчас уже молодой научный сотрудник, но и на будущий год приедет, уверен. Он мог бы с успехом работать строителем — вторая специальность. И главное, что первую свою специальность — электронику — знает прекрасно. И насчет бетона он, конечно, прав, но все же...

Бетон, бетон... Это слово в отряде произносят с нескрываемым почтением: «Должен прийти бетон», «Обещали еще две машины бетона».

Принять без задержек как можно больше бетона и уложить его — главная забота. Был тяжелый момент в один из первых дней, когда желание преуспеть в этом ребята не соразмерили со своими возможностями. Одним словом, пошел «большой бетон». И так получилось, что бойцы в бригаде подобрались самые молодые, неопытные. Рабочий день кончался, ребята стали спрашивать друг друга, который час, и смотреть на бригадира. А машины все приходили и приходили. Все устали до предела, хотелось все бросить и заснуть, не сходя с места. Тогда Костя Борисов сказал:

— Коммунисты не уходят.

И первокурсник из ГДР Инго Бахман, самый молодой в отряде, сказал по-русски:

— Да.

И никто не ушел, пока последняя машина не опрокинула кузов. На часы больше не смотрели.

Позже Петер Зайбт на вопрос о главном уроке отряда ответит:

— Энтузиазм!

Общественная жизнь отряда тоже с приставкой «интер». Интерсовет отряда возглавляет немец Инго Бахман, поляк Мирослав Тоста — популярнейший лектор, кубинец Терреро Борхес Марио Мануэль (или просто Марио) —

член контрольно-ревизионной комиссии отряда, а также член агитбригады, в которую, кстати, отобрано всего шесть человек. Умысел в том, чтобы это была действительно мобильная бригада, способная в любой день и час без ущерба для производственной программы давать свою концертную.

Напарник Марио вьетнамец Чан Тхань Тьау (они уже второй год подряд составляют звено каменщиков) собирается писать статью в областную молодежную газету, которая будет называться «Опровержение». Писать он, правда, еще не начинал, но в устной форме неоднократно высказывал полемические замечания по поводу одной публикации об отряде. В принципе, все там было сказано правильно, считает он, кроме фразы: «На Чана равняются все ребята».

— Никто на меня не равняется, тем более «все». Что, бойцам делать больше нечего, только равняться, да еще на меня? Это неправильно, надо написать.

Кроме «своих» иностранцев, то есть тех, кто учится в институте имени Губкина, есть в отряде и приезжие. По договору института с дружественными вузами социалистических стран в отряд на две недели вливаются небольшие обменные бригады, а ребята из нефтехимического, в свою очередь, работают в стройотрядах соответствующих вузов и стран.

В это лето в Усть-Илимске работала бригада студентов из горной академии Фрайберга. В день прилета «академики» долго стояли и просто смотрели, восхищаясь мощью индустриального пейзажа: так далеко в Сибири и такой масштаб стройки!

Все заинтересованы в том, чтобы в эти две недели новички чувствовали себя не гостями, а полноправными членами компании. Но с лопатой в руках любой гость очень скоро начинает чувствовать себя как дома. Контакт устанавливается с первых же дней.

Следует также отметить одну деликатность, проявленную ребятами из Фрайберга. В «интеризбе» среди стенгазет «Знакомьтесь: Болгария», «Знакомьтесь: Чехословакия» и так далее появилась газета-представление приехавшей из ГДР бригады. На ней — фотографии и имена. Каждому знакомо: появился новый человек, назвался, а через минуту его имя вылетело из головы. Переспрашивать неловко. А так — удобно всей компании: забыл, как зовут приятеля, зашел в столовую, как бы пообедать, а сам освежил в памяти его имя. В этой же газете карта ГДР со стрелочками: кто откуда родом.

Кое-кого из Фрайберга в Усть-Илимске ждал сюрприз. Аспирант горной академии Петер Зайбт и руководитель группы Конрад Шен встретили тех, с кем работали здесь пять лет назад.

— Чудеса! — говорит Петер.— Разве я мог предположить, что командиром отряда, в который мы прибыли, окажется Сергей Сибирев, бывший завхозом в нашем отряде в 1977 году.

Работал тогда с нами и Женя Муравых. С нынешним мастером Сергеем Подхалюзиным мы учились в одной группе. Он уже тогда был крупным специалистом строительного дела. Ведь еще до учебы он успел поработать настоящим мастером на стройке. В том же 1977 году я встретил здесь наших строителей из ГДР. За пять лет все так изменилось, ничего не узнать. Вот только знакомые лица.

— По правде говоря,— вспоминает Сибирев,— я тогда думал, что никто из той обменной бригады, где были Петер и Конрад, больше сюда не приедет — уж больно тяжелые были условия и жизни, и работы. Сейчас у нас не условия — санаторий. Ошибался я насчет ребят, приехали. Тогда, кстати, никто из всей бригады не знал ни слова по-русски, а у нас никто не знал немецкого. Как быть? Как, например, прочитать обязательную лекцию по технике безопасности и такой же обязательный инструктаж на рабочем месте? Поступили так: инженер читал лекцию мне на русском, я переводил на английский, а Ута — помнишь, Петер, была с вами? — на немецкий. Можно себе представить, во что мог превратиться в результате тройного перевода самый обыкновенный диэлектрический коврик или способы крепежа стен траншеи.

— Содержание лекции я сейчас вряд ли вспомню,— смеется Петер,— но все мы тогда остались целы и невредимы. Просто не делали того, чего не делали вы, и наоборот. И, как видишь, еще приехали.

— А сам ты почему приехал еще раз? — спросил Сибирев.

— Страну и людей нельзя понять экскурсантом. Увидеть — да, а понять

можно только в работе, в общем деле. И потом, мы работаем и на себя тоже. Я говорю, конечно, не о деньгах, а о том, что наша страна уже получает усть-илимскую целлюлозу.

— И что же ты понял в нас?

— Я понял, что ваши ребята умеют работать в очень сложных и тяжелых условиях, тогда как другие наверняка бы уже отказались. И потом, какая скорость контакта! Мы так быстро подружились.

— А какая работа тебе больше нравится: тяжелая, но скорая или легкая, но долгая?

— Там, где скорее и больше виден результат,— ответил Петер.

— А еще разумная и точная,— добавил Конрад Шен.

В отряде наступило заметное оживление: в тот день приезжала вторая обменная бригада из Праги. Завхоз готовил размещение и котловое довольствие для новых бойцов. Отряд-

ный врач Юра Ковыляев, наставив троек за санитарное состояние бригадных спален (по случаю он был особенно строг), вел отчаянный бой с последними мухами на кухне.

«Местный» чех Людовик Дюришин трепетно готовил приветственный плакат и пекся о хлебе-соли для дорогих гостей. Соль была давно готова, и только каравай сидел в печи и подходил к назначенному часу.

Когда хлебом-солью встретили бригаду из Фрайберга, ребята из ГДР были немало удивлены:

— Мы знали об этом русском обычае, но думали, что это только для самых-самых высоких гостей.

— А вы и есть самые-самые,— ответили им.

День шел к концу. Вот-вот должны были приехать чехи. На одной из скамеек начал работать смешанный женско-мужской парикмахерский салон «Евгений», названный в честь его основателя и парикмахера Жени Муравых. Выстроилась и села вокруг очередь. Все хотели быть еще красивее и давали советы под руку парикмахеру. Мимо, пикая, как точное время (сигнал опасности: посторонись и будь осторожен!), проехала спецмашина, везя в захвате высоко над землей несколько кубометров леса. Мощная машина, одна из тех, для которых отряд строит гараж. Кстати было бы сейчас показать ее новичкам, но вообще-то еще сами успеют увидеть.

Интересней и полезней им, пожалуй, будет увидеть другое — социалистическую инициативу и предприимчивость в действии, ведь отряд работал по методу «Рабочей эстафеты».

Можно подумать: какая эстафета у студентов, приехавших на 50 дней? Самая настоящая, и функционирует она безотказно уже не первый год. Именно поэтому отряд не знает перебоев с бетоном, с другими строительными материалами и техникой.

В свое время был составлен договор с соответствующими обязательствами сторон, утвержденный Братскгэсстроем (все виды строительных работ в Усть-Илимске выполняются под его руководством), согласованный в горкоме партии и подписанный представителями всех звеньев эстафеты. Цех строительных материалов бетонного завода — первое звено; автотранспортный комбинат — второе; управление механизации (готовит площади под бетон) — третье и четвертое звено — стройотряд «Усть-Илимск-82» — принимает и укладывает бетон.

Кроме того, комиссар Володя Сапунцов выступил на профсоюзном собрании бетоновозчиков, где заявил, что отряд готов к самым высоким темпам работ. Постарался, чтобы ему поверили. После собрания он повесил в гараже и на бетонном заводе объявления: «Водитель! Если тебе некуда везти бетон или у тебя есть возможность сделать дополнительный рейс, приезжай к нам, в студенческий строительный отряд. Наш объект — гараж спецмашин». Очень хорошие объявления.

Агитбригада выступила у всех «эстафетчиков» и завоевала симпатии и расположение участников эстафеты, что, безусловно, сказалось на рабочих взаимоотношениях.

Кроме того, была подготовлена и вывешена в гараже специальная фотогазета, посвященная лучшим водителям, работающим с отрядом. Впечатление потрясающее! Потом этих водителей пригласили на отрядную линейку, сказали им слова благодарности и вручили значки ССО. Можно также считать, что косвенно их премировали: быстрее принимают бетон — больше рейсов, больше рейсов — выше заработок. И ни одного отказа от бетона.

Вот почему здесь в день принимают больше ста кубометров бетона, тогда как соседние отряды — в среднем около 30. Вот почему начальник Управления строительства Усть-Илимской ГЭС П. К. Яковлев распорядился пропускать к себе командира ССО «Усть-Илимск-82» Сергея Сибирева без доклада и в любое время.

В начале июня 1982 года городская газета опубликовала большой материал «В ожидании штурма». Там говорилось, что гараж спецмашин — пусковой объект года. «Сдержат ли строители данное слово? — с тревогой спрашивал корреспондент.— Работы непочатый край, а темпы труда низкие». В одной из главок материала, названной «Неоправданный оптимизм», говорилось следующее: «Может, строители рассчитывают на помощь ребят из студенческих строительных отрядов? Рассчитывать на это, конечно, можно, но надо делать это осторожно, ибо кто знает, сколько студентов приедет на данный объект и каковы будут молодые строители по своим деловым качествам. Если приедут неопытные ребята, то отдачи большой от них ждать нечего».

Получается, что корреспондент погорячился. Почему бы в самом деле не исполниться уверенностью, что дело будет сделано, когда приезжают такие ребята и так работают? Почему бы не исполниться оптимизмом, когда его оправдывают у тебя на глазах, и в этом участвуют одинаково старательно, азартно и эффективно все члены компании из шестидесяти человек, независимо от места учебы, курса обучения и гражданской принадлежности.

Такая вот попалась интеркомпания.

ГОРЕЧЬ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ»

В подборке, которую редакция предлагает вниманию читателя, публицист и писательница, оба американцы, каждый своими средствами исследуют одну и ту же проблему, характерную не только для американского, но и для всего буржуазного общества.

Это проблема манипулирования сознанием личности, искусной ориентации ее интересов и эмоций на интересы и эмоции искусственные, не имеющие ничего общего с подлинными потребностями человека.

В нашей печати не раз рассказывалось о всевозможных «фабриках снов», длинный список которых возглавляет Голливуд, чья продукция насыщает духовную атмосферу современной Америки ложью «красивой» жизни, в погоне за которой утрачивается и представление о нормах морали, и вера в возможность добиться успеха честным путем, и человеческое достоинство.

В рассказах рядовых американцев о своей судьбе, взятых нами из книги Стадса Теркела «Американская мечта», читатель познакомится с результатами этой разлагающей деятельности. «Мы, незаметные, скучные люди, любим все блистательное»,— говорит собирательница автографов из Чикаго Шарон Фокс, и в этом ужасающем признании, как и во всей ее исповеди о своей глупой, обворованной жизни, весь смысл которой — в погоне за чужой славой, нет и тени горечи, словно так и надо, так и мыслимо жить — воспоминаниями о поцелуе принца и рукопожатии кинозвезды.

Какое горькое убожество, какая невосполнимая утрата чувства собственного достоинства, которую, и это очень показательно, никто из окружающих попросту не замечает! Напротив, Шарон Фокс завидуют, ее поздравляют!

В связи с этим вспоминается один давний разговор между известным советским журналистом и парнем, работавшим официантом, кажется, в Мурманске. «Не чувствуете ли вы, молодой человек, неловкости,— спросил журналист,— от того, что вот я сижу, а вы меня обслуживаете!» — «Это как посмотреть,— ответил официант.— Вечером я прихожу домой, устраиваюсь поудобней в кресле, разворачиваю газету и читаю Вашу статью. Получается, что обслуживаете меня Вы». Вот так! Минутный разговор, а в нем — незнакомое, непонятное, немыслимое для героев Теркела человеческое достоинство, которое у тех, кто его еще не растерял, подавляется, душится, вытравляется буржуазным обществом.

«...Я должен был врать миллионам людей, которые будут смотреть программу и верить каждому моему слову,— вспоминает свои детские годы Кэри Эдвардс.— Мы продавали себя».

«Мне кажется,— размышляет бродячая певица народных песен Розали Соррелс, пожалуй, единственная в этой галерее сломленных людей оставшаяся верной своим принципам,— людьми управляют богатые, манипулируют людьми, хотят сделать одинаковыми».

Как это делается! Об этом фантастический рассказ Кейт Уайлхелм «Без эмоций», который с полным основанием можно считать реалистическим отражением сегодняшнего положения дел в Америке.

ШАРОН ФОКС. Живет в Чикаго, работает посыльной на бирже и собирает автографы.

— Это очень престижное место. Пусть я всего лишь посыльная, но зато посыльная самой большой биржи мира. Здесь много богатых. Не каждый может получить здесь место. Надо иметь руку. Не каждого пустят в здание. Когда я вхожу, меня распирает гордость.

Отец и мать — простые люди, сейчас на пенсии. (Она вздыхает.) Зачем я это сказала?..

(Она встает и возвращается с огромной книгой в кожаном переплете. Фотографии, на них — надписи «с наилучшими пожеланиями» встречаются чаще остальных.)

Я одна из миллионов. Пройдет время — от меня останется только надпись на могильной плите. Мне хочется остаться в энциклопедиях, фильмах, которые смотрят по телевизору. Хочется выделиться из толпы, не быть просто лицом в толпе.

Все знаменитые люди очень значительны, их хочется увидеть, взять автограф. Мы, незаметные, скучные люди, любим все блистательное.

Я видела принца Чарлза, он поцеловал меня в день моего рождения. Он так знаменит. Когда принц вошел в здание биржи, все замерли. Нам запретили приближаться к нему, но было так многолюдно, и потом это была его идея просто войти и здороваться. Я подошла. Он поздоровался со мной, и я сказала: «Сегодня день моего рождения». У меня действительно был день рождения. «Могу я рассчитывать на поцелуй?» Он задумался и сказал: «Почему бы и нет?» Он поцеловал меня в щеку. И я поцеловала его. И все на бирже видели. Я была на седьмом небе.

Возможно, я больше не встречусь с ним. Возможно, он скоро станет королем Великобритании...

Он был таким милым. Я видела его всего несколько минут. Потом я написала ему письмо: «Не каждая может похвастать, что целовалась с принцем. Я хочу сказать вам спасибо». В конверт я вложила свою фотографию.

Я люблю вспоминать об этом. На бирже так мало радостей, поэтому я собираю автографы. Мне интересней жить. Я встречаю знаменитых людей. (Она открывает книгу. Барбра Стрейзенд, Элвис Пресли, Джек Николсон, Джек Форд, сын бывшего президента. Мы листаем страницы.)

У меня никогда не было друзей. Их заменял телевизор. Я жила знаменитостями, которых видела там. Потом я решила сделать шаг вперед, навстре-

---

Из книги «Американские мечты: потерянные и найденные».

Стадс ТЕРКЕЛ,
американский публицист

чу к ним. Мне уже было недостаточно просто восхищаться ими издали.

Я домоседка, не люблю болтаться на улице, не пью, не курю. Все, что у меня есть,— это мои родители. А я — единственная их радость и забота в этой жизни. Других интересов в их жизни не было, не было хобби. Им интересно все, что интересно мне, они живут мной, хотят видеть меня счастливой.

Я слежу за светской хроникой: Кап, Голд, Мэгги Дейли, Аарон (репортеры). Я знаю их лично, и они знают меня. Кап упоминал обо мне в газете раз или два. Аарон тоже. И Мэгги. В некотором смысле я тоже знаменитость. На бирже даже те, у кого больше денег, чем у меня, относятся ко мне с уважением, потому что обо мне писали в газетах.

Когда умер Элвис Пресли, обо мне написали в журнале. Статья называлась «Он коснулся моей жизни» — название моей любимой песни. Я заплатила за эту статью все деньги, лежавшие на моем счету в банке [1]. Но я ни минуты не сомневалась, что поступаю правильно, мне так хотелось, чтобы написали обо мне и Элвисе. Потом люди просили автограф у меня. Даже мой пастор попросил сделать надпись на его экземпляре статьи. Он был потрясен: я вращаюсь среди таких людей. Он считал меня одной из тех, кого никогда не приглашают на танец. Потом про меня написали в церковной сводке.

Теперь у родителей есть все, ради чего они работали, жили. У них есть дом, они ходят в церковь и даже могут сказать: «Про нашу дочь писали в газетах». Не каждая мать может сказать такое: «Вот моя дочь с Элвисом Пресли». (Раскрытый журнал лежит на столе. Фото Элвиса Пресли. Она читает.)

«Элвис — подарок от бога. Иначе как можно объяснить столь внезапный успех после столь слабого начала. Он стал национальной звездой! Мы должны сохранить в памяти его религиозные песни. Одновременно Элвис был человеком, нечуждым слабостей смертных. Спасибо, Элвис, что ты коснулся моей жизни.

С любовью Шарон Фокс».

(Она добавляет: «Возможно, когда-нибудь я тоже буду знаменитой».)

КЭРИ ЭДВАРДС. Худой, бородатый, веснушчатый, рыжий, двадцать пять лет.

— Моя мать из бедной семьи. Она всю жизнь мечтала стать актрисой. Даже брала уроки танцев. Я и мой брат уже в розовом возрасте работали в рекламе. Брат попал на обложку журнала «Либерти». На фотографии ему перебинтовывали ногу, дальше шла статья про то, как это делать. В три года я рекламировал детскую одежду для каталогов, проспектов, журналов. Рыжий, конопатый ребенок.

Я снялся в сотне рекламных заставок на телевидении. Я и мой младший брат были мальчиками «мама-посмотри-ни-одного-дупла». Мы рекламировали зубную пасту «Крест». Потом этот ролик часто гоняли по телевидению и очень хвалили.

Когда мы — мать, брат и я — рекламировали «Крест», нас вызвали в Нью-Йорк, оплатили дорожные расходы. Всего одна минута перед камерой. Сначала нас проинтервьюировали. В то время у меня было три дупла. Я сказал об этом директору. Директор улыбнулся: «Ерунда, скажешь, что ни одного». Другими словами, я должен был врать миллионам людей, которые будут смотреть программу и верить каждому моему слову.

Я сделал, как было сказано. Я выполнял работу. Но на всю жизнь осталось неприятное впечатление. Совсем по-другому, когда тебе дают сценарий и ты играешь роль. Но здесь меня интервьюировали. Конферансье: «Вот Кэри Эдвардс». Мать спросили: «Вы пользуетесь только пастой «Крест»?» — «Да». Хотя иногда мы пользовались «Колгейтом» или «Ипаной». Мне было неприятно, что мы врем.

Шоу мне нравились больше, чем рекламные передачи, я легко запоминал свои строчки, однажды сыграл главную роль. Мне нравилось так расти.

Но в двенадцать мне уже хотелось уйти. Я хотел быть нормальным. После школы я и брат шли на интервью четыре, иногда пять раз в неделю. Мы жили в мире взрослых. Сначала нам это нравилось. Мы сами ходили к продюсерам и директорам и убеждали их, что подходим для роли. Мы представлялись, пожимали руки, продавали себя...

Потом они интервьюировали других

[1] *Пресса США печатает сообщения частных лиц и организаций, взимая деньги за занятую площадь в издании, так же как за объявления.— Примеч. пер.*

рыжих и конопатых. У меня спрашивали, где я снимался, есть ли у меня сбережения, но никогда не спрашивали, что мне интересно и что я люблю. Потом мне давали сценарий. В этом я был виртуоз. Я делал все так естественно, ведь я начал рано и у меня не было никаких амбиций.

Телестудии стали для меня вторым домом. Я проводил в них все время. Родился и вырос в Голливуде — вот что я был.

Когда мне было восемнадцать, я пошел на собрание Гильдии актеров. Я выступил с короткой речью по поводу правды в рекламе. Президент лишил меня слова. Ему не понравилось, что я говорил.

Я мечтаю о том времени, когда люди смогут говорить что думают, решать сами за себя. Настоящая моя мечта — или фантазия — это то, что я видел в фильмах тридцатых, сороковых годов. Люди не заботились, как покрепче запереть двери, соседи были друзьями, и молочник разговаривал с покупателями. Возможно, все было не так... Плод воображения, одна из картинок Голливуда.

Однажды я снимался с Джеки Купером. Когда шоу кончилось, он купил мне два мороженых — шоколадное и ванильное — в каждую руку. Потом поднял меня, посадил на плечи, и вся труппа кричала «ура!». Когда-то Джеки, как и я, был «звездой в коротких штанишках». Он знал, каково это.

РАФАЭЛЬ РОЗА. Коридорный в маленьком помпезном отеле Манхаттана. Всегда улыбается, готов услужить, очень общителен. Ему девятнадцать лет, он самый младший из десяти братьев.

— Мои родители из Пуэрто-Рико. Они живут в Нью-Йорке уже семнадцать лет. Мой отец убирает комнаты в этом отеле. Дома родители говорят по-испански, но я, когда пошел в школу, стал забывать испанский. Потом я подумал: нужно знать два языка. Теперь, когда я вижу испанца, я говорю с ним как молния. Этого я добился уже во втором классе.

Я мечтаю стать знаменитым. Как большой босс в большой фирме, развалиться в кресле, расслабиться и просто принимать посетителей. Я буду добрым с подчиненными, платить буду всем хорошо; не буду заставлять их слишком много работать, как большинство боссов: чуть что — и уволен.

Я хочу разъезжать в лимузине с шофером, чтобы по правую руку — бар, по левую — цветной телевизор. Чтобы не вставать в восемь утра и не уходить с работы в восемь вечера. Возможно, скоро я что-нибудь придумаю и стану миллионером. Но сначала я хочу быть главным летчиком в ВВС. Это по-настоящему.

Каждый день, когда я еду по Нью-Йорку на велосипеде, я вижу в лимузинах шикарно одетых людей. Для них это нормально. Я думаю: если они могут, почему я не могу? Я пока не знаю, что я сделаю, но я над этим думаю.

Когда я повзрослел, я увидел, что вокруг как в джунглях — хватай, если можешь. Я так и сделал, когда подвернулось это место, я не стал раздумывать. Теперь я работаю здесь. В Нью-Йорке невозможно найти работу. Мне бы хотелось быть диктором на телевидении или что-нибудь в этом роде.

Одно время я хотел стать водителем такси. Я подумал: интересная работа, ездишь себе целый день. У меня просто страсть к технике. Я всегда мечтаю, что умею летать или что я сразу оказался там, наверху... Но как это сделать? Если только что-нибудь придумать, а? Например, пояс антигравитации или что-нибудь в этом роде. Но на это понадобится много денег.

Еще я чиню велосипеды, могу ездить на одном колесе. Но что толку. Хорошо бы стать мотоциклистом и объездить мир.

Все свободное время я торчу на улице, гляжу по сторонам, на красивых женщин, проходящих мимо. Мне нравится, как они одеты, как ходят. Я бы хотел нравиться всем женщинам, но не знаю как.

Мой брат работает на почте и неплохо зарабатывает. Другой брат работает на фабрике и хорошо зарабатывает, если работает сверхурочно. Мы все хотим заняться бизнесом, переехать в другое место и открыть, например, овощную лавку. Если найдем хорошее место.

Я бы вложил капитал во что-нибудь большое — детское питание, например. Или автомобили. Пока есть люди, будут нужны автомобили. Или в шины. Где есть шины, там есть автомобили.

Два раза меня преследовали белые. Тогда ничего особенного не случилось. Я с каждым могу найти общий язык. Но потом меня ограбили в Южном Бронксе. Ко мне подскочили трое. Один спросил сигарету. Когда я ее доставал, двое сзади схватили за руки. Меня избили, забрали все деньги, и я лежал на асфальте весь в крови. Теперь я все темные улицы обхожу, неважно, какой крюк придется дать. Если меня окликают, я продолжаю идти, просто оглядываюсь.

РОЗАЛИ СОРРЕЛС. Бродячая певица, исполнительница народных песен.

— Я думаю о том городе, Буазе, штат Айдахо, я там родилась, но живу не там, путешествую. Почему? Легкость, с какой земля уходит из-под ног и уплывает прочь? Люблю открывать страну?

Мой дед был священником, он и бабушка решили жить среди индейцев и отправились в Айдахо. Бабушка была хороший фотограф. У меня до сих пор сохранились ее фотографии: дедушка и кони, стреноженные у холма. Они пробирались по горным тропинкам, по рекам, жили в палатках. Жить в то время было трудным и опасным делом. Путешествие длилось семь лет. За это время у них родились четыре сына. Мой отец был одним из них.

Дедушка стал священником в церкви Хейли, штат Айдахо. Он добирался туда на охотничьих лыжах и пел псалмы. Теперь в этой церквушке бар. Я там пела однажды. Такой бар-закусочная.

Дедушку я хорошо помню. Он умер, когда мне было девять лет. Из Айдахо он ездил на Аляску, был в Сиэтле, где организовывал профсоюзное движение. Он говорил со мной бесконечно. Научил всем монологам из «Гамлета», я была такая маленькая сопливая девчонка. Он говорил, что слова как музыка и я научусь их понимать. Он ругался шекспировским языком. Я потому запомнила его так хорошо, что он обращался со мной как с человеком, который сможет все. Он позволял мне править телегой, нагруженной сеном.

Вплоть до дня, когда он умер, отец казался мне молодым. Красивый, усики, легкое тело. Он был очень подвижен. Мне нравится вспоминать о нем. Он тоже любил слова. Эту любовь он передал мне. Он словно играл в слова. Рассказывал мне истории. Бальзак, Рабле...

Сначала народные песни были развлечением, я их собирала и пела, когда было грустно. Я и теперь не считаю себя певицей, просто повторяю услышанные песни. У меня огромный репертуар песен из Юты и Айдахо, никому, кроме меня, не известных.

Однажды меня пригласили в Ньюпорт. Я ни разу не была восточнее Денвера. В семь часов утра я увидела Нью-Йорк — словно проснулась на Марсе. Небо, разорванное небоскребами... Я чуть не лишилась чувств. Я была так возбуждена. Я, брат, наши приятели шли по городу. Звонить, будить друзей было рано, мы зашли в бар. Он был открыт! Впервые я видела заведение, открытое в такую рань. Мы взяли бутылку шампанского и отпраздновали сам факт присутствия в Нью-Йорке. Потом мы поднялись на «Эмпаир стейтс билдинг». Все предупреждали: мне не понравится. «Холодно, противно, гадко». Я полюбила это место, каждую секунду, что была там, и до сих пор люблю. Я исследователь городов.

А Буазе больше не существует для меня. Все прекрасное, связанное с городом, уничтожили, заменили дрянью. Здесь все для продажи, для потребления. Но я помню ТОТ город, которого уж нет. Буазе — от французского «ле буа» — лес... Он был похож на островок деревьев. По островку бежала река. Деревья и река. О, зеленые коридоры — старые-старые деревья, собравшиеся вместе в зеленые коридоры. И был закон, запрещавший стрелять в белок. Старые-старые дома... Деревья спилили, дома снесли — построили новый Буазе, город-потребитель.

О школе плохие воспоминания. Я не вписалась в программу. В третьем

на страницу 22 ▶

БЕЗ ЭМОЦИЙ

Фантастический рассказ

**Кейт УАЙЛХЕЛМ,
американская писательница**

Джон Льюисон вышел из лаборатории и прошел через покрытый ковром коридор к лифту. Двери лифта бесшумно раздвинулись, и он мягко спустился на два этажа. Здесь тоже были холлы, устланные коврами. Льюисон открыл дверь с аккуратной табличкой «Студия прослушивания». Секретарши в приемной удивились, увидев его: он пришел сюда впервые за семь или восемь месяцев. Следующая комната была затемнена. Джон сел рядом с Хэрбом Джевитсом. Хэрб был в шлеме и смотрел на широкий экран, в действительности представлявший собой панель из стекла, прозрачного с одной стороны. Через нее можно было наблюдать за происходящим в соседнем помещении. Джон надел шлем так, чтобы электроды плотно прилегали, нажал кнопку включения.

В комнату за экраном вошла девушка. Она была ослепительно хороша: длинноногая блондинка с миндалевидными зелеными глазами и нежно-смуглым румянцем. Комната была обставлена как гостиная: два дивана, стол, несколько стульев и журнальный столик. Все элегантно и безжизненно, как реклама мебельной фирмы. Девушка остановилась в дверях, и Джон почувствовал ее нерешительность, смешанную со страхом. Она неуверенно шагнула к дивану, и стал виден тянувшийся за ней провод. Он был присоединен к голове. В это время с другой стороны открылась вторая дверь. В нее вбежал возбужденный молодой человек с блуждающим взглядом. Девушка проявила беспокойство. Она старалась нащупать позади себя ручку и попыталась открыть дверь. Дверь была заперта. Джон не мог слышать, что говорилось в комнате за экраном, он только чувствовал реакцию девушки. Молодой человек с безумными глазами приблизился к ней. Его руки рассекали воздух, взгляд перебегал с предмета на предмет. Внезапно он бросился к девушке. Несколько секунд она была как будто парализована страхом, потом появилось нечто иное, какое-то чувство пустоты, которое иногда сопутствует скуке или чрезмерной самоуверенности.

— Стоп,— равнодушно сказал Хэрб Джевитс.

Молодой человек отступил от девушки и ушел. Девушка смотрела вокруг пустым, непонимающим взглядом.

— Поехали дальше,— проворчал Хэрб.— Шестнадцать вчера, двадцать позавчера... Все впустую.— Он с любопытством посмотрел на Джона.— Что заставило тебя выбраться из лаборатории?

— На этот раз Энн,— сказал Джон.— Она звонила весь вечер и все утро.

— Что там еще стряслось?

— Проклятые акулы. Это чересчур. Она не может все это выдержать.

— Погоди минутку, Джонни,— сказал Хэрб.— Давай пропустим еще двух девушек, а потом поговорим.

Следующая девушка была очень спо-

койна, настоящая актриса. В то время, когда проигрывалась сцена, ее подвижное лицо выражало всю гамму чувств, которых следовало ожидать, но внутри ее ничего не было задето. Она была за тысячу миль отсюда.

Новая девушка вошла медленно, с любопытством осматриваясь, нервничая. Она была моложе других девушек, менее уравновешенна. Когда вбежал молодой человек, ее чувства мгновенно перешли в страх, а потом в ужас. Джон не заметил, когда он закрыл глаза. Он сам был этой девушкой, плачущей, полной невыразимого ужаса, его сердце отчаянно билось, он хотел закричать, но не смог.

— Стоп! — скомандовал Хэрб. Его голос дрожал.— Наймите ее,— сказал он.

— Давно вы начали такие пробы? — после нескольких секунд молчания спросил Джон.

— Пару месяцев назад. Я говорил тебе об этом. Черт возьми, Джонни, у нас не было другого выхода. Это была шестьсот девятнадцатая девушка. Шестьсот девятнадцать! И все — липа, кроме одной. Все холодны, как деревяшки. Ты имеешь хоть малейшее представление о том, сколько времени требовалось, чтобы это выяснить?

Джон Льюисон вздохнул. Он знал. В сущности, он сам предложил это, когда сказал: «Найдите для испытания предельную ситуацию, вызывающую крайнее волнение». Он не хотел знать, как Хэрб это осуществит.

— Ладно,— сказал он,— но ведь она совсем еще ребенок. Как насчет ее родителей, юридической стороны дела и тому подобного?

— Это мы утрясем, не волнуйся. Что с Энн?

— Она звонила мне пять раз. Эти акулы были последней каплей. Она хочет нас видеть, нас обоих, сегодня. Она сказала, что если мы не приедем, то не будет передачи. Она примет снотворное и будет спать, пока мы не явимся.

— Черт подери! Она не посмеет.

— Я заказал билеты. Мы вылетаем в двенадцать тридцать пять.

— Послушай, Джонни,— сказал Хэрб,— я сам займусь Энн.

— Что ты собираешься сделать?

— Всыпать ей по первое число.— Он довольно ухмыльнулся.— До сих пор она знала, что если заартачится, то заменить ее некем. Пусть теперь попробует!

Джон с удивлением понял, что ненавидит этого кряжистого краснолицего человека. Чувство было новым: ему казалось, что он ощущает вкус этой ненависти — вкус незнакомый и приятный. Хэрб перестал ходить по комнате и в упор посмотрел на него.

— Почему она позвонила тебе? Почему она хочет, чтобы ты тоже приехал? Она же знает, что ты не связан с этой стороной дела.

— Она знает, что я, во всяком случае, равноправный партнер,— сказал Джон.

— Да, но дело не в этом,— лицо Хэрба сморщилось в ухмылке.— Она думает, что ты все еще любишь ее. Она помнит, как ты относился к ней в самом начале, когда ты работал с ней и доводил свое изобретение. Она права, Джонни, малыш? В этом все дело?

— Мы договорились,— холодно сказал Джон,— что ты ведешь свою сторону дела, я — свою. Энн хочет, чтобы я приехал, потому что она не верит больше ни одному твоему слову. Ей нужен свидетель.

— Точно. Но ты твердо помни наше соглашение...— Хэрб вдруг рассмеялся.— Знаешь, Джонни, на что вы были похожи, она и ты? Она — на огонек, а ты — на ледышку.

В три тридцать они были в апартаментах Энн в отеле «Скайлайн» на Больших Багамах. Энн должна была освободиться не раньше четырех, поэтому они устроились поудобнее и стали ждать. Хэрб включил экран, предложил Джону шлем, но тот отрицательно покачал головой, и они уселись в кресла. Джон несколько минут смотрел на экран, потом тоже надел шлем.

Энн была спокойна, солнце жгло ей спину, она качалась в лодке, удерживая в руках тяжелое удилище. Это было похоже на ощущения беззаботного животного, живущего в мире со всем миром. Через несколько минут она положила удочку и обернулась, глядя на высокого улыбающегося мужчину в плавках. Он подал ей руку, и они вошли в каюту. Внезапно ее чувство спокойствия и счастья оборвалось и сменилось изумлением и страхом.

— Какого черта,— пробормотал Джон, включая звук. Звук редко требовался, когда Энн была на экране.

— Капитану Бразерсу пришлось их отпустить. В конце концов, они пока что ничего не сделали,— рассудительно сказал мужчина.

— Но почему ты думаешь, что они попытаются меня ограбить?

— А у кого еще здесь есть драгоценности стоимостью в миллион долларов?

Джон выключил звук и обернулся к Хэрбу:

— Ты идиот! Такая чушь никогда не пройдет!

— Знаешь, чего хочет каждая женщина? Владеть чем-нибудь, что стоит украсть.— Хэрб засмеялся — это был низкий, гортанный звук, лишенный веселья.— Наш новый психолог, очень квалифицированный специалист, ни разу не дал нам неправильного совета. Энн это, конечно, не понравится, но в конце концов все пройдет очень здорово.

— Она не потерпит настоящего ограбления! — И Джон добавил: — Я этого не потерплю.

— Мы можем это отрезать,— сказал Хэрб.— Все, что нам нужно, Джонни, это навести на мысль. А остальное отрезать.

Джон посмотрел ему в спину и произнес невыразительным голосом:

— Все начиналось не так, Хэрб. Что случилось?

— Что ж, Джонни, это верно. Все начиналось не так. Все меняется, только и всего. Ты придумал игрушку, и по нашим планам все должно было быть прекрасно, но это продолжалось недолго. Мы открыли им чувство азарта в карточной игре, ощущение первого катания на лыжах, участия в автомобильных гонках, всего, о чем только можно было мечтать, и всего этого было недостаточно. Сколько раз можно впервые в жизни прыгать с трамплина? Через некоторое время хочется новых ощущений, вот в чем беда. Тебе-то было хорошо! Ты купил себе сверкающую новенькую лабораторию и захлопнул за собой дверь. Ты мог все сделанное отбросить и начать сначала. А каково было мне! Мне все время надо было находить что-то новое, что-то такое, что дало бы встряску Энн, а через нее всем этим милым маленьким людям, которые даже и не живы, пока не включены в цепь. Ты думаешь, это легко? Пока Энн была совсем зеленая, для нее все было новым и волнующим, но теперь-то не так. Знаешь, что она мне сказала еще в прошлом месяце? Что ей все надоело до тошноты.

— Почему ты мне не сказал?

— Почему, Джонни? А что бы сделал ты, чего не сделал я? Что бы ты сделал, чтобы дать ей сильные ощущения? Я стал искать для нее подходящего парня, чтобы она влюбилась. Я работал для публики, малыш. Ты с самого начала сказал, чтобы я оставил тебя в покое. Очень хорошо. Я оставил тебя в покое.

Джон отошел от окна. Хэрб был прав: единственное, чего он хотел, это чтобы его оставили в покое. И вообще это была его идея: после двенадцати лет лабораторных опытов он показал свою «игрушку» Хэрбу Джевитсу. Джевитс был тогда одним из крупнейших продюсеров на телевидении, теперь он был крупнейшим в мире.

Изобретение было, в сущности, простым. Человек, в мозг которого вживлялись специальные электроды, начинал излучать свои эмоции, которые можно было передавать по радио и принимать с помощью специальных шлемов. Передавались не слова, не мысли, а только чувства: страх, любовь, злоба, ненависть. К этому добавлялись телекамера и звук. И тогда зритель «превращался» в того, кто испытывал все эти ощущения, с тем существенным различием, что зритель, если что-то было для него чересчур, мог в любую минуту отключиться, а «актер» не мог. Простое устройство. Простая «игрушка». В сущности, не нужны были ни экран, ни звук, многие никогда их не включали, а дополняли передаваемые эмоции собственным воображением. Шлемы не продавались, а давались напрокат. Плата вносилась первого числа каждого месяца. Было тридцать семь миллионов абонентов.

После двух месяцев передач Хэрб Джевитс купил собственную телевизионную сеть, ибо существующих ка-

налов телевидения было недостаточно. От одного часа в неделю он перешел к часу каждый вечер, а теперь восемь часов в день шли прямые передачи и еще восемь часов — записи. То, что начиналось как один день в жизни Энн Бомонт, стало всей ее жизнью, а аудитория была ненасытна.

В окружении толпы парикмахеров, массажисток, техников, сценаристов вошла Энн. Вид у нее был усталый. Увидев Джона и Хэрба, она отослала свиту.

— Энн, детка, прекрасно выглядишь,— сказал Хэрб. Он обнял ее и поцеловал. Она стояла неподвижно, опустив руки, потом обернулась к Джону и после секундного колебания протянула тонкую загорелую руку. Рука была сухой и прохладной.

— Что у тебя нового, Джон? Мы давно не виделись.

Джон отошел к бару, и Энн обратилась к Хэрбу.

— С меня хватит. Я выхожу из игры,— сказала она подчеркнуто спокойным голосом.

— Что случилось, дорогая? Я сейчас смотрел твою передачу. Ты сегодня хороша, как всегда.

— А как насчет ограбления?

— Ах, это ограбление! Послушай, Энн, детка, клянусь тебе, что я ровным счетом ничего об этом не знаю. Мы тут решили, что остаток этой недели ты будешь просто отдыхать. Это ведь тоже передается, детка. Когда ты расслабляешься и приятно проводишь время, тридцать семь миллионов человек расслабляются и наслаждаются жизнью. Это хорошо. Нельзя все время их возбуждать. Им нравится разнообразие.

Энн холодно наблюдала за ним. Внезапно она рассмеялась.

— Не прикидывайся дурачком, Хэрб. Я поступлю с ним как с настоящим бандитом. После сегодняшней передачи я купила револьвер. Я научилась стрелять, когда мне было лет девять или десять. Я и теперь умею. Я убью его, Хэрб, кто бы он ни был.

— Детка,— начал было Хэрб, но Энн оборвала его:

— И я работаю последнюю неделю. С субботы я ухожу.

— Ты не можешь этого сделать,— сказал Хэрб. Джон внимательно наблюдал за ним, ища хоть какой-нибудь признак слабости, но не нашел.

— Оглянись, Энн, посмотри на эти комнаты, на твои туалеты, на все вокруг тебя... Ты самая богатая женщина в мире, ты проводишь лучшие годы своей жизни как хочешь, где хочешь...

— На глазах у всего мира...

— Ну и что? Разве это тебе мешает? — Хэрб начал ходить по комнате быстрыми, резкими шагами.— Ты это знала, когда подписывала контракт. Ты редкая девушка, Энн, красивая, умная, эмоциональная. Подумай обо всех этих женщинах, у которых ничего нет, кроме тебя. Что им делать, если ты их бросишь? Умереть? Это почти так и будет. Впервые в жизни они почувствовали, что живы. Ты даешь им то, чего не мог дать никто, то, на что в прежние времена лишь намекали книги и кинофильмы. А теперь они знают, что значит встретиться с приключением, испытать настоящую любовь. Подумай о них, Энн! Они пусты, у них нет ничего в жизни, кроме тебя. Тридцать семь миллионов серых душ, которые не знали ничего, кроме скуки и усталости, пока ты не дала им жизнь. Что есть у них? Работа, дети, счета... Ты дала им весь мир, детка. Без тебя им даже не захочется больше жить.

Она перебила:

— Я говорила со своими адвокатами, Хэрб. Контракт недействителен. Своими дополнениями к первоначальному договору ты несчетное число раз нарушил его. Я училась тысяче разных вещей, чтобы эти люди могли чувствовать их вместе со мной. Боже мой! Я лазила по горам, охотилась на львов, научилась кататься с гор и на водных лыжах, а теперь ты требуешь, чтобы каждую неделю было что-то еще... То авария самолета, достаточно серьезная, чтобы смертельно напугать меня, то акулы, которые появились как раз тогда, когда я каталась на водных лыжах. Вот эти акулы и были последней каплей. В конце концов ты убьешь меня. Ты уже не сможешь это предотвратить, не сможешь.

Наступило гнетущее молчание.

Когда Энн начала говорить, Хэрб перестал ходить по комнате.

— Из-за чего ты на самом деле психуешь, Энн? Ведь были же предварительные планы, и ты о них знала. Эти львы не проходили случайно мимо. И лавину нужно было подтолкнуть, ты это знаешь. Что еще тебя грызет?

— Я влюблена, Хэрб. Я хочу вырваться прежде, чем тебе удастся убить меня.

Хэрб нетерпеливо отмахнулся.

— Ты когда-нибудь смотрела свои передачи, Энн?

Она покачала головой.

— Я так и думал. Поэтому ты не знаешь, какие изменения произошли с тех пор, как мы вставили тебе новый передатчик. Малыш Джонни был очень занят, Энн. Ты же знаешь этих ученых: вечно не удовлетворены, вечно что-то меняют, что-то улучшают. Где телекамера, Энн? Ты знаешь, где она теперь? Ты хотя бы видела камеру или звукозаписывающий аппарат в последние две недели? Не видела и больше не увидишь. Ты передаешь даже сейчас, дорогуша,— он говорил тихим, насмешливым голосом.— В сущности, ты не передаешь только тогда, когда спишь. Я знаю, что ты влюблена, я знаю, кто он, я знаю, какие чувства он у тебя вызывает, я даже знаю, сколько он получает в неделю. Я не могу этого не знать, Энн, детка: я плачу ему.

С каждым словом он подходил к ней все ближе и ближе. У него не было ни малейшей возможности увернуться от резкого удара, отбросившего его голову назад, и прежде чем кто-либо из них понял, что происходит, он ударил ее. Энн упала на стул. Она была так потрясена, что не могла произнести ни слова.

Капли крови выступили на губах Хэрба, там, где их рассекло бриллиантовое кольцо Энн. Хэрб потрогал их и посмотрел на свой палец.

— Все записывается, милочка, даже это,— сказал он. У нее на щеке горело большое красное пятно. Она не сводила с него взгляда, серые глаза потемнели от ярости.

— Расслабься, детка,— сказал Хэрб. Он снова говорил спокойным и веселым тоном.— Для тебя ничего не изменится, ни в свободе действий, ни в чем-либо другом. Ты же знаешь, что мы не весь материал используем, но это дает редакторам больше возможностей для отбора. Самое интересное большей частью передается по записи. Ты не скомкала ни одного эпизода, все прошло как чистое золото. Многим ли женщинам приходится покупать револьвер для самозащиты? Подумай. Подумай обо всех, кто ощутил этот револьвер в руке, кто почувствовал все то, что чувствовала ты, когда взяла револьвер и разглядывала его.

— Когда вы вставили аппарат? — спросила Энн.

Джон почувствовал холодок в спине, какой-то легкий отзвук возбуждения. Он понимал, что сейчас происходило с миниатюрным передатчиком, какая буря эмоций поступала в него. На лице Энн видны были лишь небольшие ее следы, но бушующая внутри ее мука в это время точно записывалась. Ее спокойный голос и спокойное лицо были ложью; только пленка никогда не лгала.

Хэрб тоже почувствовал эту бурю. Он подошел к ней, встал на колени и взял ее руки в свои.

— Пожалуйста, Энн, не сердись на нас так. Мне отчаянно нужен был новый материал. Когда Джонни устранил последние неполадки и мы смогли вести передачи круглосуточно, нам надо было это испробовать. Не было бы ничего хорошего, если бы ты об этом знала: так ничего нельзя проверить.

— Когда вы вставили передатчик?

— Около месяца тому назад.

— А Стюарт? Один из твоих людей? Он тоже передатчик? Ты нанял его... Это верно?

Хэрб кивнул. Она вырвала свою руку и отвернулась. Он встал и подошел к окну.

— Ну и что из этого! — закричал он.— Если бы я познакомил вас на каком-нибудь приеме, вы бы не нашли в этом ничего дурного. Что меняется от того, что я сделал это таким образом? Я знал, что вы понравитесь друг другу. Он так же талантлив, как ты, у него такие же вкусы и интересы. Он родился в такой же бедной семье, как ты. Все было за то, что вы поладите друг с другом.

— О да,— сказала она почти рассеянно,— мы поладили.

Она раздвинула пальцами волосы, стараясь нащупать рубцы.

— Все уже зажило,— сказал Джон. Она посмотрела на него так, будто забыла о его присутствии.

Энн встала.

— Я найду хирурга,— сказала она, сжимая голову побелевшими пальцами,— нейрохирурга.

— Пытаться удалить передатчик очень опасно,— медленно проговорил Джон.

Она посмотрела на него долгим, внимательным взглядом.

— Опасно? — Он кивнул.— Ты мог бы его вытащить?..

Он вспомнил самое начало, когда он успокаивал ее, уговаривая не бояться проводов и электродов. Ее страх был страхом ребенка перед неизвестным и непонятным. Много раз он доказывал, что она может доверять ему, что он ее не обманет. Он не лгал ей — тогда. Но она и теперь не могла не доверять тому, кого некогда любила. Как она ждала! Он мог освободить ее...

В ее глазах отразились страх и доверие к нему. Он медленно покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Никто не может.

— Понятно,— чуть слышно проговорила она. Глаза ее потемнели.— Я бы умерла, да? А у тебя была бы интересная серия, Хэрб. Тебе, конечно, пришлось бы подделать сюжетную линию, но ведь у тебя это так хорошо получается! Несчастный случай, критическое состояние, нейрохирургическая операция, и все, что я ощущаю, передается бедным домашним курицам, которые никогда не переносили нейрохирургической операции... Здорово! — сказала она иронически-восхищенным тоном. Глаза у нее стали совсем черными.— В общем, ты теперь используешь все, что бы я ни сделала. Если я убью тебя, это будет просто материал, из которого редакторы отберут самое интересное: суд, тюрьма — очень драматично. С другой стороны, если я убью себя...

Джон похолодел, Хэрб рассмеялся.

— Сюжетная линия будет примерно такой,— сказал он.— Энн полюбила незнакомца, полюбила глубоко и искренне. Все знают, как глубока эта любовь — они же все ее чувствовали, как ты понимаешь. Она застает его с хорошенькой девочкой. Стюарт заявляет, что между вами все кончено — он любит другую. В порыве отчаяния Энн кончает с собой. Ты и сейчас уже передаешь целую бурю страстей, дорогуша, верно? Ничего, когда я просмотрю запись этой сцены, я выясню...

Она швырнула в него стакан, кусочки льда и апельсиновые корки разлетелись по комнате.

— Это чертовски здорово, детка. Грубовато, но они ведь всегда этого жаждут. Эта серия им очень понравится, когда они примирятся с тем, что потеряли тебя. А они примирятся с этим, можешь не сомневаться. Так всегда бывает. И потом, им же будет очень интересно узнать, что испытывает человек, умирающий насильственной смертью... А если мы дадим аудитории смерть, то мы должны дать ей новую жизнь. Закончить одну со звоном. Начать другую со звоном. Мы уже нашли девочку. Мы покажем ее как Золушку, которая становится звездой. Они ее тоже полюбят.

Энн вся сжалась. Глядя на нее, Джон почувствовал, как у него сокращаются и стягиваются мышцы. Он не знал, сможет ли выдержать запись чувств, которые она сейчас излучала. Его охватила волна возбуждения. Он понял, что проиграет всю запись, прочувствует все — невероятным усилием воли сдержанную ярость, ужас перед смертью, на которую будет глазеть публика, и, наконец, нестерпимую боль. Он познает все эти чувства.

Резким движением Энн поднялась, она стояла выпрямившись, голова ее была высоко поднята, рот плотно сжат. Безжизненным голосом она сказала:

— Стюарт должен приехать через полчаса. Мне надо переодеться.— Она ушла не оглядываясь.

Хэрб подмигнул Джону и поманил его к выходу.

— Проводишь меня на аэродром, малыш?

В машине он сказал:

— Ближайшие несколько дней не отходи от нее, Джонни. Может наступить еще более сильная реакция, когда до нее по-настоящему дойдет, в какой капкан она попала,— он снова усмехнулся...— Ей-богу, это здорово, что она так доверяет тебе, малыш!

— Ты думаешь, она еще на что-нибудь годна после того, что произошло?

— Она ничего не может с собой поделать. Она слишком полна жизни, чтобы преднамеренно избрать смерть. Она будет бороться за то, чтобы выжить. Она станет более осторожной, более чувствительной к опасности, более возбудимой и более возбуждающей... Мы здорово ее зарядили. Придется, наверно, даже кое-что отредактировать, смягчить немножко.— В голосе его звучало торжество.— Знаешь, это была неплохая идея — насчет Стюарта и девочки. Кто бы мог подумать, что она даст такую реакцию! Она совсем как не затронутые цивилизацией дикари, живет чувствами. Она, Стюарт, новенькая девочка... Их мало осталось, они рассеяны в разных местах, но мы их разыщем. Мы употребим в дело всех, кого найдем.

Джон вернулся в отель, чтобы быть рядом с Энн, на случай, если он ей понадобится. Но он надеялся, что она оставит его в покое.

Когда он включал экран, пальцы у него дрожали. Внезапно он вспомнил девушку, которая плакала на прослушивании, и ему захотелось, чтобы Стюарт ударил Энн; пальцы у него задрожали еще сильнее. Стюарт был в программе с шести до двенадцати, и Джон пропустил уже целый час передачи. Он опустился в глубокое кресло и приладил шлем. Он не включил звук, дополняя передачу собственными словами и мыслями.

Перевела с английского
М. ГОРДЫШЕВСКАЯ

со страницы 18 ▼

классе на контрольной по чтению я получила высшие, небывалые оценки. Я не считала себя умнее других: я читала с детства — еще совсем сопливой девчонкой. Но в Буазе, штат Айдахо, берегись обнаружить, что что-то знаешь.

Я вышла из школы, меня ждали четыре, пять девочек из старшего класса. Они сбили меня с ног, хотели, чтобы я добиралась до дома ползком. Впредь мне не следует так зазнаваться, посоветовали они. Такая школьная мафия. Они пихались палками. Я разозлилась. Ударила одну, попала в солнечное сплетение. Потом целую неделю она не ходила в школу. Я убежала домой и дома полчаса никак не могла успокоиться. Я была в такой ярости. Я никогда не думала, что с человеком можно так обращаться потому, что он победил. Они так считали, что я победила, а я вовсе и не думала побеждать.

Я никогда не стремилась кого-то обойти, просто жила и поступала как считала нужным. Мне неприятно, когда превращают жизнь в соревнование. Мне всегда нравилась песня, в которой Мальвина Рейнолдс говорит:

Мне все равно, что платья заношены:
На негодяях — одежда роскошная,
А я неудачница — мне все равно.

И еще:

Я лучше останусь внизу, меж друзей:
Ступеньки наверх — все из близких людей.

Я никогда не считала свою семью бедной: у нас был дом, хотя не было денег. Я считала себя привилегированной: в нашем доме было так много книг.

Мой брат на десять лет моложе меня. Долгое время я была единственным ребенком и не умела дружить. Потом я вышла замуж. Семья мужа так отличалась от нашей, и муж был не такой, как я. Когда я с ним познакомилась, он играл в восстание против своей семьи. Потом это прошло. Единственное, что их беспокоило,— это приобретать вещи.

Его семья была очень богатой. Их не коснулась Великая депрессия. Нам пришлось туго. Все мужчины нашей семьи «неудачники». Они так и не научились делать деньги. Но я не думаю, что мой отец неудачник. Он был таким прекрасным человеком. Когда я училась в школе, он запил, я была так расстроена. Но мои воспоминания о нем только хорошие. Он был исключительным, не похожим ни на одного человека в мире.

Когда отец умер, пришел этот кретин из похоронного бюро. Брат и я упрашивали мать не иметь с ним дела. Первое: он заявляет, какая мы дешевка, что отказываемся от дорогого гроба. Этот тип: «Кого из цветочников вы желаете?» Я говорю: «Мы нарвем еловых веток с дерева у его окна». Он го-

ворит: «Кого из органистов вы желаете?» — «Я буду петь для отца». Он говорит: «Хорошо,— прокашливается,— в наши услуги входит писать некрологи. Расскажите мне про Уолтера». Я говорю: «Мы звали его Уолт». Я смотрю на него и не знаю, что рассказывать. Он говорит: «Какой веры был Уолт?»— «Он был не шибко религиозен». Он говорит: «Гм-мм. Где он работал?» — «Он очень долго не работал». Он говорит: «Ушел на пенсию?» Я подумала: больше я ничего не скажу. Он говорит: «В какие организации входил Уолт?» Я думаю: мой отец мог пройти два квартала на руках. Он часто это делал. Люди шли мимо, и он здоровался с ними как ни в чем не бывало, словно так и надо ходить.

Каждый год в день своего рождения он перепрыгивал через карточный столик без разбега. Кажется, ему было пятьдесят шесть, когда он впервые не смог этого сделать.

Эта земля принадлежала ему. Этот красивый дом он построил своими руками. И дом так стоит, словно вырос из земли. Он любил бродить в лесу и сочинять безалаберные стишки. Он знал названия всех птиц, всех цветов и ненавидел типов, как этот, из похоронного бюро. Я сказала: «Я не знаю ничего из того, что вы хотите от меня услышать». Он написал что-то и положил в конверт. Разве можно описать человека вот так. В мире не было другого, как он.

Мне везло в друзьях. Я находила их везде. Меня тоже можно назвать неудачницей, но я не считаю, что это так. У меня нет денег, но есть уважение людей, чье уважение мне дорого. У меня есть любовь слушателей. Мне хотелось бы, конечно, чтобы было чуть легче, но для этого не хочу менять ни себя, ни свою жизнь.

Я не умею жить с отчаянием. Хотя мне есть от чего отчаяться. Я смотрю на детей. Не понимаю: мой старший сын покончил самоубийством. Почему мне не удалось внушить ему чувство радости жизни?

Я смотрю на других детей, и мне жаль их. Им скучно. Я не помню, чтобы мне было скучно. Они нелюбознательны, им все безразлично, словно это и есть их дело.

Мне кажется, людьми управляют богатые, манипулируют людьми, хотят сделать одинаковыми. Чтобы все смотрели телевизор, имели счет в банке, автомобили, дома, их хотят сделать неуверенными, заставить бояться потерять эти вещи, чтобы люди делали все, чего от них хотят. Только бы не отняли их вещи. Эта оценка человека количеством того, что у него есть, навязана богатыми. Для меня цена человека в том, что он кусается, кричит и отмахивается от тех, кто тянет его на эту дорогу. Я люблю людей, которые настаивают на праве ходить другими дорогами. И я буду идти другой дорогой, буду бить в свой барабан.

Перевел с английского В. СИМОНОВ

В первом номере «Ровесника» за 1981 год мы начали публикацию серии материалов об истоках современной популярной музыки, о зарождении, становлении и развитии ее основных направлений. В той, первой, статье рассказывалось о «минстрел-шоу», о кэйк-уоке, в № 4 — о рэгтайме, в № 8 — о блюзе и в 12-м номере 1981 года — о нью-орлеанском джазе. По просьбе читателей мы продолжаем этот рассказ. В настоящей статье описывается социальная, культурная и эстетическая драма, пережитая в 20-х годах нашего века джазом по мере превращения его из этнического фольклора в массовый развлекательный жанр.

ДЖАЗ ИДЕТ НА СЕВЕР

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Если Нью-Орлеан начала века был колыбелью джаза, то Чикаго 20-х годов стал той ареной, где едва подросшему младенцу пришлось выдержать серьезное испытание на выносливость и жизнестойкость. Второй по величине торгово-промышленный центр Соединенных Штатов, расположенный на скрещении водных и железнодорожных артерий у озера Мичиган, Чикаго походил на Нью-Орлеан этнической пестротой (и ненасытными музыкальными аппетитами) своего населения, но в остальном разительно от него отличался. Там, например, начисто отсутствовала столь характерная для колониального города в устье Миссисипи социальная, расовая и культурная иерархия, в которой каждый занимал как бы раз и навсегда отведенное ему место: высший этаж — порядком обедневшие, но все еще уважаемые «аристократические» семейства франко-испанского происхождения; низший — дети и внуки недавних невольников, поденщики и чернорабочие, живущие единой общиной и сохраняющие в быту многие обычаи своих африканских предков, а средний — цветные креолы смешанной крови, относительно образованные домашние слуги и люди свободных профессий, составляющие некое переходное звено.

Молодой, неудержимо растущий и фантастически богатеющий Чикаго никогда не управлялся родовой знатью с ее обветшавшими пережитками высокой культуры — и ничуть этим не смущался. Большинство оседавших в нем иммигрантов происходило из неимущих слоев различных стран Центральной, Южной и Восточной Европы, откуда их выгоняла жестокая нужда и мечта найти счастье за океаном. Те, кому везло, становились в Чикаго портными, сапожниками, парикмахерами, лавочниками, мелкими предпринимателями. Остальные вливались в ряды чикагского пролетариата, уже в XIX столетии решительно прибегавшего к забастовкам и защите своих прав в кровавых стычках с полицией. Позже к ним стало присоединяться все больше афро-американцев.

Миллионам чернокожих батраков и не имевшим собственной земли фермерам-арендаторам южных штатов давно уже угрожали все более тяжкие лишения и нищета. После того как военная промышленность индустриальных районов, испытывая дефицит рабочих рук, стала открывать двери перед представителями расовых меньшинств, десятки и сотни тысяч негритянских семейств начали покидать поля Луизианы, Алабамы, Джорджии и Техаса и отправляться «вверх на Север», надеясь обрести там долгожданную независимость и благополучие.

Действительность сильно расходилась с их ожиданиями. «Мне сказали, что на Севере жизнь хороша; мне сказали, что на Севере жизнь хороша; и вот я на Севере — без гроша» — эти строчки Ленгстона Хьюза суммируют основное содержание блюзов тех лет, проникнутых горечью разочарования. Подавляющему большинству негров приходилось подвергаться в северных городах унизительной сегрегации и ютиться в перенаселенных черных гетто, крупнейшее из которых было в Чикаго и носило название Саут-Сайд (Южная сторона). Но все-таки у немногих, пусть не в большом мире белых, а хотя бы внутри такого гетто появлялся шанс завести какое-нибудь собственное дело и продвинуться на одну-две ступеньки вверх по социальной и экономической лестнице. Дух коммерции и конкурентной борьбы проникал теперь и в среду цветных, порождая там новые противоречия и соответствующие формы их выражения. Общественная жизнь в Саут-Сайде била ключом, и хотя протекала она не под открытым небом, а в стенах помещений, музыка занимала в ней не меньшее место, чем в Нью-Орлеане.

Перемены в джазе 20-х годов вызывались комплексом причин, но прежде всего уже отмеченным расслоением некогда однородной негритянской общины. Ее низовая часть, претерпевавшая наиболее сильные удары и невзгоды, инстинктивно искала убежище в хорошо знакомом и привычном. Чувствуя себя одинокими и заброшенными в чужом, холодном и равнодушном к ним окружении, бедняки с жадностью ловили всякую весть, напоминавшую им о родных краях и о прежней жизни, которая издалека казалась им идеализированно счастливой и безмятежной. Старые напевы Юга воспринимались ими теперь как ностальгическое утешение, так что исполнители блюзов и «горячего» джаза всегда находили обширную и благодарную аудиторию.

Однако сама обстановка музицирования была уже иной. Пение перестало сопровождать работу, негде и некогда было маршировать вслед за духовым оркестром по залитым солнцем улицам или танцевать на площадях в дни карнавалов, неведомых северным городам. Музыка уже не звучала рядом на протяжении всего дня и не вплеталась непосредственно в быт, но выделялась в особую сферу, ограниченную определенным временем и пространством. Сельский или пригородный фольклор превращался в профессиональное городское искусство: блюзовые певцы выступали по вечерам в барах, закусочных и салунах; инструментальные ансамбли — в кафе, ресторанах и танцевальных залах; музыкальное действо, некогда длившееся неопределенно долго, должно было сжиматься, приобретать более четко организованные очертания.

Бо́льшей собранности, а главное — «новизны» и «современности» звучания настойчиво требовала та часть публики, которая сумела лучше приспособиться к жизни большого города и намеревалась извлечь из нее максимум возможного. Слава музыканта или ансамбля, его способность привлекать посетителей в те заведения, где он выступает, а значит, и его заработок зависели от того, насколько он отвечал подобным требованиям. Далеко не все были к тому готовы. Нью-орлеанский джаз имел по преимуществу самодеятельный характер: любительские уличные оркестры нередко набирались из соседей по кварталу, давних знакомых, членов одной «ложи» взаимопомощи, связанных дружескими, а то и родственными узами. Интуитивное взаимопонимание между исполнителями, выраставшее из многолетней совместной практики под руководством признанного лидера из их же среды, позволяло им обходиться без нот и поддерживать коллективную импровизацию, опираясь лишь на природную музыкальность, художественное чутье и устойчивую традицию.

В Чикаго звенья этой цепи быстро рвались. Старые ансамбли распадались, новые не отличались стабильностью состава, необходимость часто обновлять репертуар и не отставать от моды заставляла искать какие-то иные средства и формы музыкального сотрудничества. Наиболее эффективными оказались аранжировка и переход от коллективной импровизации к сольной.

Аранжировкой называли заранее спланированную схему исполнения, обязывающую всех инструменталистов играть строго установленные для них партии. Тем самым полифоническую, то есть многоголосую ткань нью-орлеанского джаза, где каждый музыкант вел относительно автономную, не сливающуюся с другими, но и не отрывающуюся от них линию, сводили к одной-единственной мелодии, усиленной аккордами аккомпанемента. Звучание становилось более «чистым», слитным и упорядоченным, но теряло спонтанность, ритмическую упругость и эмоциональный накал, иными словами, переставало быть джазовым. Обязанность компенсировать этот недостаток, абсолютно непростительный с точки зрения публики, воспитанной на традиции блюза и «горячего» джаза, возлагалась на один или несколько солирующих голосов — трубу, кларнет, тромбон; позже — на фортепиано и т. д. Выступая как бы полномочными представителями всего коллектива и стараясь передать в одной партии сложный контрапункт нескольких мелодических и ритмических линий, они поочередно импровизировали свои вариации на тему, введенную и поддерживаемую ансамблем. Одним из пионеров этого направления был оркестр ночного клуба «Дримленд» в Саут-Сайде. Вершиной же стиля «Саут-Сайд Чикаго» стали импровизации Луи Армстронга в его знаменитых группах — «Хот файв» и «Хот севен».

Породив плеяду замечательных солистов-виртуозов, чикагский джаз не выдвинул сколько-нибудь крупных аранжировщиков; их искусство сформировалось по-настоящему лишь на исходе 20-х годов в других городах, главным образом в Канзас-Сити и Нью-Йорке. На первых же порах план исполнения носил крайне примитивный характер: он наскоро придумывался руководителем или кем-либо из музыкантов, пояснялся остальным за фортепиано, а иногда и просто словами и тут же разучивался на слух,— все это называлось

«head arrangement» — «аранжировка из головы». Позже стали применять запись на бумаге нотными знаками, что привело к еще большей дифференциации исполнителей, но не по таланту (как в случае с солистами и аккомпаниаторами), а по признаку грамотности — получить место в ансамблях нового типа могли только те, кто умел читать ноты.

Была и еще одна серьезная причина внутреннего расслоения джаза: появление довольно влиятельной аудитории, принадлежащей к верхушке негритянской общины,— «черной буржуазии». Последняя из кожи вон лезла, чтобы убедить себя и других в своей близости к «респектабельным кругам», то есть к буржуазии белой, и потому старалась всем, чем можно, подчеркнуть свое обособление и отдаление от собственного народа. Как и нью-орлеанские креолы, эти буржуа с показной брезгливостью и скрытым страхом отворачивались от ритмического неистовства, экспрессивных тембров и «грязных» блюзовых интонаций «горячего» джаза, предпочитая взамен благопристойно-приглаженные, никого не тревожащие, сахаринно-приторные формулы салонной музыки, именуемой в те годы «свит» джазом («sweet» — «сладкий»).

Инструменталисты, согласные (и умеющие, для чего нужно было знать ноты) играть «свит» джаз, то есть предавать в себе истинно джазовое начало, получали преимущественный доступ в наиболее фешенебельные дансинги, дорогие рестораны и, самое существенное, в студии звукозаписи и радиовещания.

Настоящий, «горячий» негритянский джаз — «Криол бэнд» Кинга Оливера, в котором вторую трубу играл молодой Луи Армстронг, был впервые записан на диск «для пробы» летом 1923 года, шесть лет спустя после студийного дебюта белой группы «Ориджинал диксиленд джаз бэнд». Следом состоялись записи сольных номеров пианиста Джелли Ролл Мортона и ансамбля тромбониста Кида Ори, а также ряда блюзовых певцов. Эти записи стали пользоваться огромным спросом у цветного населения, и начался широкий выпуск так называемых «расовых пластинок», предназначенных только для афро-американцев (белым покупателям их и не предлагали). Внезапно возникший рынок оказался исключительно емким: даже в беднейших негритянских лачугах можно было найти старый, чудом действующий граммофон «Виктрола» со стопкой пластинок, без устали прокручиваемых до тех пор, покуда игла еще удерживалась в звуковой бороздке. Расходились «расовые» записи колоссальными по тем временам тиражами и для многих фирм были главной статьей их дохода (говорили, что одна из крупнейших — «Коламбиа» — однажды избежала банкротства лишь за счет выручки от дисков «Императрицы блюзов» Бесси Смит).

Благодаря «расовым» пластинкам джаз пережил в середине 20-х годов такой стремительный взлет, которого он, пожалуй, не знал потом уже никогда, и этот период принято называть «Золотой эрой» джаза.

Встреча негритянского джаза с грамзаписью была событием, имевшим далеко идущие последствия, все значение которого в истории так называемой «массовой» (и не только массовой) культуры мы начинаем понимать только теперь. Джаз дал мощнейший толчок граммофонной промышленности, впервые осознавшей, какие перспективы открывает ей рост музыкальных потребностей миллионов. Двинувшись по открывшемуся пути, она, в свою очередь, оказала решающее влияние на дальнейшую судьбу джаза, а затем и на судьбу всей последующей популярной музыки.

Влияние это было далеко не однозначным и глубоко противоречивым, но как в положительном, так и в отрицательном отношении роль звукозаписи трудно переоценить. Не будь ее, джазовые произведения исчезли бы сразу после своего исполнения, ибо вне слышимого звучания у них просто нет иного бытия. Никакая нотная запись не передает те тончайшие отклонения и скольжения мелодии, те тембровые краски, те ритмические нюансы, которые рождаются непосредственно в процессе исполнительской импровизации и составляют главную ценность и смысл «горячего» джаза. Но даже если бы их и сумели нотировать, то никто не был бы в силах точно воспроизвести во второй раз написанное: каждое творческое исполнение джазовой пьесы так же неповторимо в этих существеннейших своих чертах, как неповторимо сочетание внешних и внутренних факторов, определяющих эмоциональное состояние музыканта в момент игры. (Это не значит, конечно, что ту или иную вещь нельзя повторить нота в ноту, разучив ее по уже сделанной пластинке, но сколько-нибудь опытный слушатель всегда заметит такую «вторичность» и потеряет к имитации всякий интерес, даже если она принадлежит самому автору-исполнителю. Записи же оригинального исполнения «горячего» джазового произведения можно прослушивать сколько угодно раз именно потому, что они запечатлели процесс созидания нового, остановили для нас мгновение творчества!)

Что же касается достоверной истории джаза, то вся она представлена не таким уж большим количеством старых дисков, любовно сбереженных коллекционерами и занимающих ныне почетное место в музыкальной культуре XX столетия. Их комментированные списки, или дискографии,— плод многолетних трудов и кропотливых разысканий энтузиастов,— служат не только документально-информационными справочниками, но и драматическим рассказом о становлении, расцвете и угасании, а то и насильственной ликвидации различных течений, стилей и форм джазовой музыки; об организации и роспуске музыкальных коллективов, о переменах в составе исполнителей, о встречах, художественном сотрудничестве и преемственных связях знаменитых и малоизвестных артистов, короче — служат основной летописью самого джаза.

Однако роль звукозаписи в становлении и эволюции джазового искусства этим далеко не исчерпывается. Практика студийной работы выработала совершенно новый склад композиторско-исполнительского мышления, остававшийся в основе своей неизменным более четверти века. Вплоть до появления магнитофона и долгоиграющих пластинок продолжительность записываемой пьесы не должна была превышать в среднем трех минут (время звучания одной стороны 25-сантиметрового диска; на 30-сантиметровых джаз писали лишь в уникальных случаях). Ничто столь очевидно не противоречило идее свободного, не скованного временными рамками импровизационного музицирования, длящегося столько, сколько хотел сам исполнитель или окружавшая его публика. Многие пьесы раннего джаза кажутся — и на самом деле являются — незавершенными, скомканными, внезапно оборванными; на некоторых записях слышны даже сигналы оператора немедленно закончить номер. Не сразу удалось найти выход из этого тупика, однако сама необходимость его преодоления стала стимулом немалого художественного прогресса. Будучи единственным способом фиксации их искусства, запись на стандартную пластинку побуждала джазменов мобилизовать все имеющиеся у них ресурсы изобретательности, использовать все доступные им выразительные средства, добиваться предельной концентрации эмоционального напряжения и компактности формы. Лишь все это, вместе взятое, позволяло вмещать в отпущенные им три минуты то эстетическое послание, которое они хотели сообщить.

Были во взаимоотношениях джаза и звукозаписи и очень серьезные теневые стороны. Посредством сначала механической, а затем электронной техники музыкальное произведение превращалось в материальную вещь, которую можно было тиражировать машинным способом, а потом предлагать покупателям, подобно любым иным предметам массового производства и потребления. Раньше джазмен прямо обращался к слушателям или танцорам, с которыми он был связан общностью жизненного опыта, вкусов и пристрастий, чьи чувства и пожелания он чутко улавливал и тут же претворял в художественную ткань своих импровизаций. Теперь его единственным заказчиком был владелец фирмы, заинтересованный вовсе не в музыке как таковой, а в прибыли на вложенный капитал. Прибыль зависела от сбыта, а сбыт — от способности продукта нравиться, пусть и не очень сильно и недолго (последнее было как раз очень выгодно), но как можно большему числу покупателей. При отборе образцов для серийного производства руководствовались отнюдь не художественными, но чисто деловыми критериями. Оригинальность и сложность, высоко оцениваемая знатоками, не всегда при-

ходилась по душе публике менее подготовленной. Коммерсант, естественно, заботился не о признании своей продукции максимальным числом знатоков, а о том, чтобы его товар отвергло бы минимальное число самых невзыскательных потребителей, ибо именно они и обеспечивали ему 99 процентов дохода. Индустрия развлечений попросту не могла бы функционировать, если бы она не делала ставки на усредненное, безликое качество музыки, «приятной» (но не более!) всем или почти всем, но по-настоящему не трогающей, не тревожащей и даже не утешающей никого.

Такова была ситуация, в которой очутился джаз к середине 20-х годов и которая поставила его артистов перед альтернативой: согласиться на требования рынка и приобрести славу и успех, изменивши своим художественным принципам, или остаться верным творческому призванию, прозябая в бедности и безвестности. Острота этого выбора несколько смягчалась наличием «расовых» пластинок и множества мелких фирм, обслуживающих сравнительно узкие круги публики с довольно четко выраженными эстетическими предпочтениями. Но в целом наметилось все же трудно определимое, но явственно ощутимое размежевание между «горячим» и «коммерческим», то есть, по сути, между черным и белым джазом. Первый сохранял спонтанность, эмоциональную открытость, неистовство темперамента и стихийную силу хороводного начала даже при отказе от коллективной импровизации в пользу сольной. Второй был более сдержан, разучен по нотам, дисциплинирован и респектабелен, зато отличался большей техничностью, чистотой звучания и умелым использованием ряда формально-гармонических приемов, заимствованных из европейской музыки и примененных к негритянскому материалу. Последнее вызывало жгучую зависть «горячих» джазменов, мечтавших добиться той же квалификации. При счастливом стечении обстоятельств результаты оказывались прекрасными.

Так, 23-летний Луи Армстронг, переехав в Чикаго, самостоятельно изучил нотную грамоту и основы композиции, чтобы иметь возможность играть в ансамблях, прибегающих к наиболее сложным по тем временам аранжировкам. В сочетании с феноменальным врожденным талантом и укорененностью в афро-американской духовной традиции это позволило ему опередить не только всех трубачей, но и вообще всех исполнителей «Золотой эры» и стать корифеем школы сольного инструментализма в джазе. Отметим, впрочем, что его земляки и коллеги-соперники — Кид Ори, Джелли Ролл Мортон, Джимми Нун или Сидни Беше — мало в чем ему уступали. Беше, например, прославился как непревзойденный импровизатор-виртуоз на сопрано-саксофоне. Напряженно-вибрирующий, насыщенный обертонами звук его инструмента, безошибочно опознаваемый в спектре красочно-интонационной палитры джаза, подготовил почву для прихода альта- и тенора-саксофона, утвердившихся в джазовой практике лишь к началу 30-х годов. Мортон, будучи в юности пианистом рэгтайма, получил наибольшую известность в качестве руководителя ансамбля и первого джазового композитора.

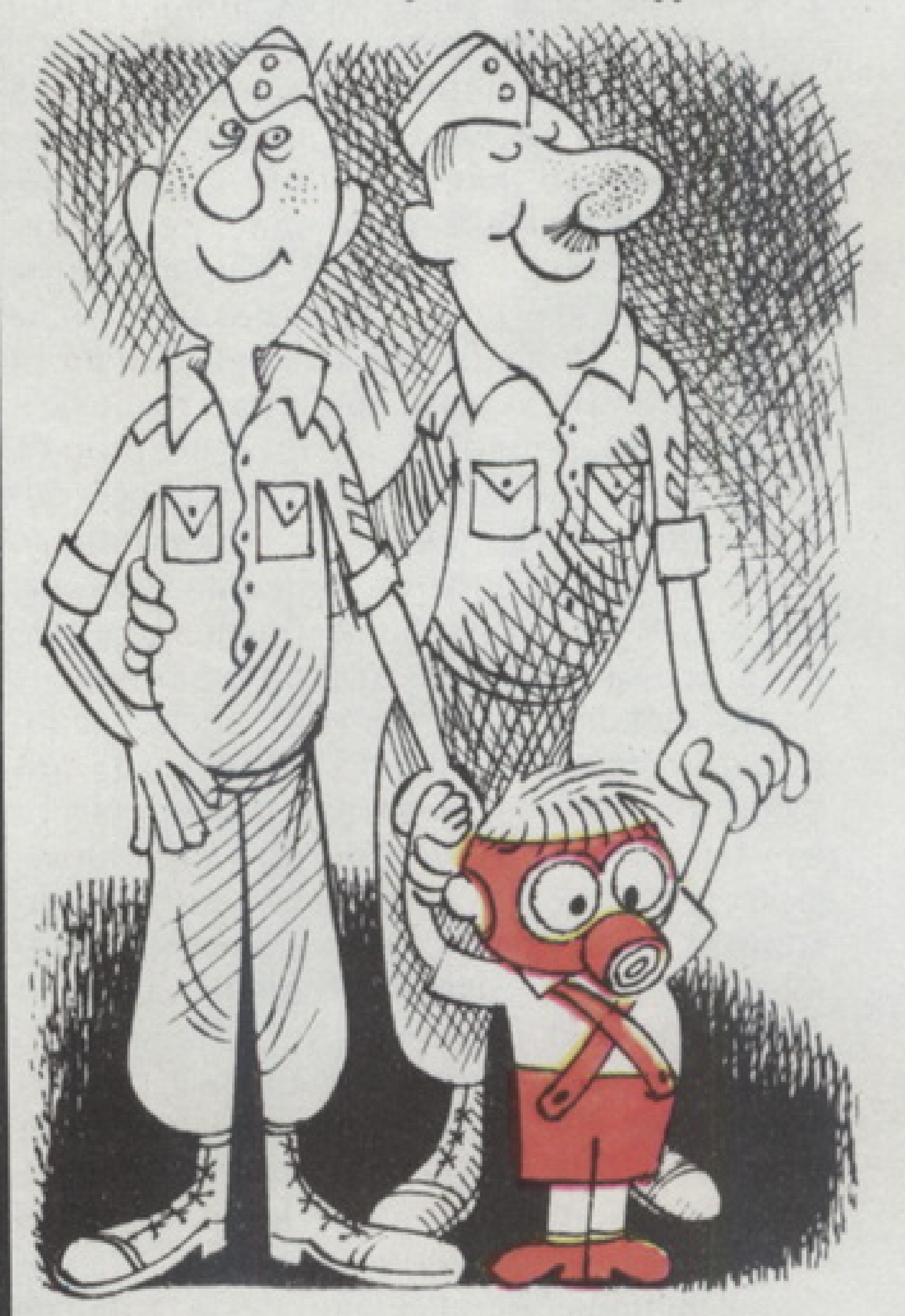
Надо сказать, что музыку всех названных мастеров вряд ли можно подразделить на утилитарно-прикладную, предназначенную лишь для танцев и развлечения, и на подлинно артистический джаз: в этом отношении негритянские коллективы, даже в рамках «коммерческого» ангажемента, резко отличались от подавляющего большинства белых ансамблей. К числу немногих белых музыкантов, внесших творческий вклад в развитие джазового искусства «Золотой эры», принадлежат корнетист и композитор Бикс Байдербек, трубач Рэд Николз, скрипач Джо Венути, тромбонист Джек Тигарден, барабанщик Бен Поллак, участник замечательной группы «New Orleans Rhythm Kings», и ряд других.

Разделение черного и белого джаза в очень большой степени усугублялось жестокой расовой дискриминацией. На протяжении 20-х и большей части 30-х годов совместная работа белых и цветных даже в студиях звукозаписи, где публика не могла их видеть, была столь редким исключением, что в дискографиях такие сеансы специально отмечались как «смешанные». Рэд Николз и Джо Венути, сделавшие сотни записей, никогда не играли ни с одним негритянским исполнителем. Случай, когда Тигарден и два других белых музыканта — гитарист Эдди Ланг и басист Джо Салливан — участвовали в ансамбле Армстронга при записи его пластинки «Knockin'a Jag», считался абсолютно беспрецедентным и сенсационным нарушением всех правил.

В итоге коммерческий белый «свит» джаз, ориентированный на среднебуржуазный вкус и широко рекламируемый посредством только что появившегося радиовещания, а затем и звукового кино, оттеснил негритянских джазменов на периферию музыкального бизнеса и этим спас их от весьма реальной угрозы коммерциализации. Но по той же причине настоящий джаз не имел возможности сказать правду о самом себе, скрытую от глаз большинства горою искаженных представлений, невежественных отзывов, предвзятой критики и справедливого презрения, которое все истинные любители музыки испытывали к низкопробной продукции индустрии развлечений. Всеобщее заблуждение на сей счет достигло таких размеров, что сами джазовые музыканты часто стали отказываться от полностью дискредитированного слова «джаз». Однако само слово (и связанное с ним множество понятий) уже прочно вошло в сознание белых американцев и европейцев. Джазом стали называть не только вид музыки, но и образ жизни. И романист Фрэнсис Скотт Фицджеральд окрестил 20-е годы «джазовым веком».

ЖИЛ-БЫЛ ПРИШЕЛЕЦ...

Петер ТОМСЕН,
западногерманский журналист



Космические пришельцы! Любители сенсаций знают в лицо отважных пилотов, решившихся навестить нас на своих «летающих тарелках».

«Они во всем похожи на людей, даже одеты примерно как мы»,— сообщает «генеральный секретарь» бразильского кружка по сбору сведений об НЛО (неопознанные летающие объекты) Перейра. На основании 333 «свидетельских показаний» Перейра выделил и описал 13 типов космических пришельцев. «Первый тип» он описывает так: «Абсолютно не агрессивен. Никакого оружия. Лишь в одном случае тип № 1 использовал необъяснимый световой луч, поразивший свидетеля». Его классификация, в частности, включает и некую одноглазую женщину: «Ее единственный глаз расположен посредине лба и, как было однажды замечено, способен излучать свет».

По страницам объемистой специальной литературы кочуют даже фотографии пришельцев. В книге популярного автора Чарльза Берлитца есть фото, где два американских солдата ведут инопланетянина — «одного из шести безволосых человечков с большими круглыми головами и серыми лицами», приземлившихся, по версии Берлитца, в 1947 году на землю штата Нью-Мексико в потерпевшей аварию «летающей тарелке». Комендант авиабазы, которая находилась поблизости, якобы срочно сообщил о случившемся президенту. «В интересах национальной

безопасности,— фантазирует далее Берлитц,— шестеро неизвестных инопланетян были умерщвлены».

История умерщвленной шестерки инопланетян заинтересовала Клауса Вебнера — исследователя внеземных цивилизаций. Несмотря на молодые годы (Клаусу только двадцать шесть лет), он давно и серьезно занимается НЛО. В своем родном городе Висбадене он обнаружил занятный материал: «В газете «Висбаденер тагблат» мне попалась та самая фотография «члена экипажа инопланетян», которую публикует Берлитц. Статья в газете называлась «Летающая тарелка» над Висбаденом». Дата публикации — 1 апреля 1950 года».

Клаус связался с бывшим редактором газеты: откуда взялась фотография? Оказалось, все очень просто: моделью для фотографа Ганса Шефлера послужил его пятилетний сынишка. Запечатлев сына в противогазе вместе с двумя американскими солдатами, Шефлер подретушировал снимок — и первоапрельская шутка была готова.

«Висбаденер» пошутил, а снимок маленького «мистера Х» по неизвестным причинам оказался в архивах Федерального бюро расследований США.

Соавтор Берлитца Уильям Мор случайно узнал об «интереснейшем материале, который за семью замками хранится в ФБР». Массу сил и энергии затратил мистер Мор на то, чтобы получить хотя бы копию секретного снимка. И он получил ее! Копия, правда, оказалась весьма нечеткой, но в 1981 году весь просвещенный мир, включая тридцатишестилетнего сына висбаденского фотографа, мог видеть «инопланетянина с дыхательным аппаратом». Фото было напечатано в книге Берлитца и подхвачено газетами.

Клаус Вебнер собрал около 350 фотографий «летающих тарелок». «Что греха таить, я старался найти хоть один действительно достоверный снимок, но до сих пор не нашел».

В начале прошлого года некоторые газеты и журналы ФРГ рассказали о таинственном случае. 7 января один гамбургский фотолюбитель сфотографировал свою машину. Машина стояла рядом с церковью. Проявив пленку, он обнаружил в кадре непонятное светящееся кольцо на уровне церковной крыши. Газета «Бильд» писала: «На фотографии рядом с зеленой крышей церковной башни явственно видна красноватая «летающая тарелка». А иллюстрированный журнал «Бунте», поместив фотографию, утверждал: «Возможность фальсификации полностью исключена!»

Клаус Вебнер не видит никаких загадок в этом снимке: «Обычное разложение светового луча линзой объектива. Игра света. Посмотрите на этот голубоватый блик на поверхности автомобиля. Он расположен симметрично центру красного кольца. Световой луч преломился, проходя сквозь линзы объектива, и на пленке получилось пятно. Между прочим, фотограф, глядя в видоискатель, этого эффекта заметить не мог».

А вот отрывок из интервью, которое взял у гамбургского полицейского В. Айзенбургера — того самого фотографа-любителя, — представитель «Центрального исследовательского объединения по изучению необычных явлений природы». «Я не видел никакого кольца, когда снимал,— говорит В. Айзенбургер.— Я понятия не имею, что это такое. Разве я утверждал, будто это «летающая тарелка» или другой НЛО? Просто так написали в газете «Бильд».

«С газетчиками,— посмеивается Клаус,— такое случается. Один списал у другого, да еще приукрасил и переврал. Разве не так?»

Все тем же световым эффектом объясняется и впечатляющий снимок, который наделал много шума в 1973 году: одиннадцать светящихся «тарелок» в ночном небе над зданием конгресса США в Вашингтоне. Так называемые «сенсационные маневры НЛО над Капитолием» не что иное, как отражения уличных фонарей. Фотограф К. Фукс, например, намеренно создает такой эффект. Его фотографии с симметричными, как бы мерцающими световыми пятнами в таком случае тоже можно считать доказательством посещения гостей из космоса.

А сколько разговоров пошло после полетов американских космонавтов на Луну! По версии журнала «Бунте», космонавты увидели и сфотографировали два «светящихся диска». Однако пленка содержится в «строгом секрете». (Тем не менее копии «строго секретных» фотографий с тех пор гуляют по рукам многочисленных любителей чудес!)

Ричард Андервуд, который занимался расшифровкой фото- и кинематериалов, полученных во время американских космических полетов, говорит: «Все абсолютная чепуха. Болтают, что астронавты видели внеземные космические корабли. Мало того, эти корабли якобы сфотографированы и сняты на кинопленку. А мы, НАСА, дескать, пытаемся держать все это в секрете. Да ведь мы уже распродали тысячи копий всех этих пленок!»

Клаус Вебнер тоже заказал для себя копии материалов космических полетов и дотошно проанализировал каждый снимок. Вот что он обнаружил: световые блики, обломки, небольшие сателлиты, куски льда и выброс из космического корабля.

Помимо всего прочего, нужно знать, что полностью укомплектованная «небольшая» космическая ракета типа «Сатурн-5» в момент старта имеет массу свыше трех тысяч тонн, в то время как масса возвращающегося на Землю «большого» космического корабля «Аполлон» в момент его приводнения всего-навсего шесть тонн. Куда же деваются эти тысячи тонн в мире, где ничего не исчезает бесследно? Остаются в космосе.

Управление военно-воздушных сил

США еще в декабре 1969 года опубликовало официальный отчет об исследованиях неопознанных летающих объектов. Вот основные выводы этого отчета: ни один из исследованных летающих объектов не представляет угрозы национальной безопасности; нет никаких оснований полагать, что неопознанные летающие объекты имеют внеземную природу; изучение «летающих объектов» позволило установить, что это земные летающие объекты, небесные тела, воздушные шары, птицы, воздушные змеи, свет прожекторов, метеорологические явления, отработанные газы реактивных самолетов.

В том же отчете упоминается интересная деталь: если обычно в США каждый год регистрировалось около 500 сообщений о «летающих тарелках», то дважды (до 1969 года) их число перевалило за тысячу. В 1952 и 1957 годах. Напомним, в 1952 году американцы были напуганы появлением водородной бомбы, а в 1957 году мир услышал позывные первого советского спутника.

Начало космической эры, разумеется, не могло не возбудить человеческую фантазию. И освоение космоса начинает понемногу приносить плоды, хотя бы в опознании неопознанного.

Что же касается ядерного вооружения, то, по мнению Клауса Вебнера, оно действительно порождает истерические взрывы поверий и предрассудков, связанных с НЛО: «Когда читаешь всю эту литературу, постоянно натыкаешься на очень важный момент. Я имею в виду странную надежду, что инопланетяне спасут человечество от атомного самоубийства. По-моему, вера в пришельцев — это либо бегство от реальной жизни с ее кошмарами все в тот же выдуманный мир, либо неспособность ко всякому виду серьезной работы и серьезной борьбы».

Вот и получается, что причина существования удивительных небесных явлений вполне земная.

Перевела с немецкого Г. ЛЕОНОВА

ЭТО ВАМ, МЕЧТАТЕЛИ!

Всю жизнь вам твердят: «Вы легкомысленны и непрактичны, вы наивный мечтатель. Ваши воздушные замки не самое удобное жилье в этом мире, к тому же их не бывает». А вот и нет, оказывается, бывают. Вот такие.

СТАРЫЙ СЕКРЕТ КРАСОТЫ

Дорогие девушки! Спешим сообщить вам новость: американские косметологи, диетологи и прочие специалисты по красоте, опросив широкие слои населения, пришли к сенсационному выводу: нынче в моде крепкое здоровье! Эта весть так потрясла общественность, что чуткие к настроениям масс средства массовой информации посвятили новому идеалу красоты тысячи страниц. Цветная фотография взята из журнала «Тайм»: вот так теперь надобно добиваться идеальной фигуры. А на черно-белой — сицилийская мозаика... III века нашей эры.

НОВЫЙ ЦЕНТУРИОН!

Пристрастие английского рок-музыканта Элтона Джона к необычным сценическим костюмам давно известно поклонникам. Элтону Джону, в свою очередь, хорошо известна страсть американских поклонников разрывать на клочки одеяния своих кумиров. Поэтому на концерт в Сент-Луисе Элтон Джон явился в форме полицейского, нанятого защищать его от неумеренных восторгов.

ТАНКИ В ГОРОДЕ

«Когда я вышла из магазина, то увидела, что моя машина смята в лепешку. Как будто по ней проехал танк!» Владелица раздавленного автомобиля была совершенно права: несколькими минутами ранее по оживленной улице Мангейма (ФРГ) промчался на полной скорости американский танк М-60. Пятидесятитонное бронированное чудище оставляло за собой осколки и обломки, вырванные с корнем деревья, перепуганных и возмущенных людей. Въехав на мост через реку Неккар, танк остановился. Зато пришла в движение его башня. Как бы раздумывая, по какому из жилых домов выстрелить, пушка описала широкую дугу. Вернулась в прежнее положение. Танк взревел и, взломав ограду моста, рухнул в реку.

Жителей маленького старинного городка не интересует, было ли случившееся результатом алкогольного опьянения танкиста или его эффектным самоубийством. Их интересует другое: почему войска США, присутствие которых вынуждены терпеть в ФРГ не только мангеймцы, позволяют себе подобного рода бесчинства и когда, наконец, им будет положен конец? Ведь танковый вояж, причинивший серьезный ущерб городу и его жителям, уже третий по счету...

ОТЦЫ И ДЕТИ, КОТОРЫЕ ПОЮТ

«Найти бы джинсы по фигуре, каким бы лаком покрыть ногти — вот все, что занимает милой крошки ум» — это слова из сатирической песенки «Калифорнийская девчонка», которую недавно записал известный рок-музыкант Фрэнк Заппа вместе со своей пятнадцатилетней дочерью Мун. «Я рад,— сказал Заппа,— что моя дочь не такая. Ее интересуют вещи, куда более серьезные. Рок-музыка, например».

Второй Джон Леннон? Девятнадцатилетний Джулиан очень похож на отца (о чем свидетельствует и публикуемая фотография). Но не только внешне. Услышав в его исполнении песню «Я хочу избавиться от этого чувства», критики признали, что сын унаследовал и музыкальный талант отца.

ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА

«И я сделал это?» — Мигель не поверил сам себе. И неудивительно: впервые в мире воздушный гимнаст совершил четверное сальто. Впервые перед публикой, потому что 17-летний мексиканец Мигель Васкес уже делал этот трюк на репетициях. На репетициях четверное сальто удавалось и гимнастам других стран, но перед публикой — такого действительно еще не бывало! «Тут влияет все — и настроение зала, и температура воздуха, и цвет купола — лучше белый, под ним острее чувство перспективы. А на этот раз все сошлось... И все равно — не верю!»

ОТ «РА» ДО «СОХАРА»

«В середине декабря мы были вынуждены сделать остановку на Малабарском берегу страны, перцем богатой, дабы сменить паруса — наши были изорваны ветром...» «18 марта мы поймали семнадцать акул, чтобы пополнить запасы продовольствия...» Это отрывки из судового дневника корабля, на котором путешествовал Синдбад-мореход? Нет, дневник не находка археолога. Его вел в прошлом году американский путешественник Тим Северин. Вдохновленный примером Тура Хейердала, Северин проанализировал сказки «Тысячи и одной ночи» и пришел к выводу, что Синдбад— персонаж хоть и сказочный, но подобные путешествия были вполне по силам средневековым арабским мореплавателям. По описаниям, содержащимся в манускрипте XIII века, было построено судно, названное «Сохаром». На нем и проделал новый Синдбад Синдбадов путь от Омана до Китая (всего 6 тысяч миль), затратив на дорогу семь с половиной месяцев.

Йети, кто ты?

Г. ХЁФФЛИНГ,
западногерманский журналист

«Йети тебя унесет!» — пугают в Гималаях матери непослушных детей. Йети... Это странное создание жители самых высоких гор на Земле описывают по-разному. Одни говорят, что это кровожадное существо с оскаленными зубами; другие считают, что йети пуглив, осторожен и живет в укрытиях. Тибетцы, непальцы, жители Бутана и Сиккима на протяжении веков верят в существование косматого создания с длинными обезьяньими руками, приземистым туловищем, ловко передвигающегося на двух ногах; в западный же мир сведения об этом мифическом существе проникли лет сто назад. С тех пор как западные альпинисты стали находить в Гималаях почти человечьи, огромные следы ног йети, экспедиции следуют одна за другой. Ученые хотят увидеть живым это загадочное существо, сфотографировать его и даже поймать.

Путешественники время от времени сообщают о встречах с йети, как его называют в Непале, или кангми — в Тибете, что означает всего лишь «житель скалистых склонов». При детальном расследовании этих рассказов оказывается, что они не что иное, как выдумки типа мюнхгаузеновских. К этой же категории следует отнести и версию, согласно которой снежные люди — это бежавшие из мест наказания и нашедшие убежище в ледяной пустыне преступники. И все же шерпы, лучшие носильщики во всех высокогорных экспедициях, рассказывают о ночных встречах с йети — гигантским существом с черной кожей и огненно-рыжей шевелюрой, полузверем-получеловеком.

По удаленным горным деревенькам бродят страшные рассказы о похищенных мужчинах и женщинах, спрятанных йети в пещерах, недоступных для человека. Рассказывают, например, о тибетской пастушке, которая в июле 1974 года якобы была избита снежным человеком, который убил в ее стаде пять длинношерстных яков.

Лихорадочная активность множества экспедиций и отдельных исследователей, мечтавших поймать йети, все больше беспокоила власти Непала. Они опасались, что пылкие охотники полностью истребят снежного человека, если таковой вообще существует. Поэтому в 1957 году непальское правительство приняло меры, затруднившие иностранным экспедициям охоту на йети.

И все же поиски продолжаются. Сразу скажем, результаты весьма скудны. Ни один снежный человек еще не был пойман хотя бы объективом фотокамеры. Гигантские следы на снегу — вот и все, чем располагают ученые. Первые и, возможно, самые примечательные их снимки были сделаны 8 марта 1951 года английским специалистом по исследованию Гималаев Эриком Шиптоном на высоте шесть тысяч метров. Через три года англичане Ралф Иззард и Джералд Рассел отправились в экспедицию, надеясь наконец раскрыть тайну. Им не удалось увидеть ни одного экземпляра йети, но они тоже натолкнулись на следы, о которых Иззард писал весной 1954 года в газете «Дейли мейл»:

«Среди вздымающихся в небо гор, крутых скальных стенок, ледников и замерзших водопадов в районе верхней долины Дуд-Коси Джеральд Рассел и я два дня шли по следам двух йети на протяжении примерно 13 километров. Насколько мне известно, еще никому не удавалось найти такой непрерывный и протянувшийся на такое расстояние след йети».

Кроме того, Иззард и Рассел узнали о скальпах снежного человека, которыми владеют монастыри Кхумджунг и Пангбоче. В Пангбоче скальп хранится уже лет 300 и служит головным убором во время ритуальных танцев. Темная кожа на ощупь напоминает плотную шкуру. На ней много пролысин, но по оставшимся порам ясно видно, что раньше она была плотно усажена волосами. Оставшиеся в скальпе волосы лисье-рыжего цвета с примесью черных, они, как у человека, у лба направлены назад, а по бокам — слегка вниз. Заметна линия своеобразного гребня, проходящая посередине головы. К такому вершинному костяному гребню у гориллы и орангутана прикрепляются мощные затылочные и жевательные мышцы [1].

Британские зоологи, изучившие снимки Шиптона, пришли к заключению, что снежный человек — огромное, грубо сложенное существо, относящееся к человекообразным обезьянам, сходное, видимо, с гигантопитеком — огромной обезьяной, которая жила на Земле миллион лет назад.

Дело приняло новый оборот в 1960 году. Сэр Эдмунд Хиллари, первый покоритель Эвереста, предпринял экспедицию в горы Непала. Экспедиции не удалось увидеть живого йети, но биолог Лоуренс Суон обнаружил на леднике Рипиму его следы. При этом выяснилось, что на теневом склоне следы выглядят как лисьи, а на склоне, обращенном к солнцу, они подтаяли и превратились в типичные следы йети. Немного дальше, за снежным холмом, куда солнце попадало редко, следы опять укорачивались и сужались, становясь похожими на следы лисицы. Один из участников экспедиции записал: «Вот в чем объяснение: следы лисы, снежного барса, медведя или волка, любого другого зверя, расплавляясь под солнечными лучами, превращаются в след сказочного йети».

Неужели тайна разгадана?

Не все члены экспедиции согласились с таким выводом. После этого сэру Хиллари с большим трудом удалось купить у одной монахини настоящую, по ее заверениям, шкуру йети. При детальном изучении оказалось, что это шкура редкого тибетского медведя. Да и скальп йети в монастыре Кхумджунг, который согласно легенде хранился там 240 лет и которому приписывали магическую силу, также оказался подделкой — это понял уже биолог экспедиции. После длительных переговоров монахи согласились предоставить скальп для двух исследований — в Чикаго и Лондоне. Ученые пришли к разочаровывающему выводу: «скальп йети» — на самом деле растянутый кусок шкуры с шеи гималайской горной козы.

Интересным для ученых оказался снимок, сделанный в 1958 году англичанином Сликом в монастыре Пангбоче. На снимке — мумифицированная рука снежного человека. Изучив снимок, авторитетный английский зоолог Хилл заявил, что это рука «неизвестного человекоподобного существа», близкого к горилле.

Так существует ли йети в действительности или это лишь фантазия гималайских горцев? Ответа на этот вопрос нет и нет. Однако почему-то человечество никак не хочет расстаться с загадкой, возбуждавшей его воображение все последнее столетие.

Перевела с немецкого
М. ОСИПОВА

Из книги Г. Хёффлинга «НЛО, древний мир, чудовища».

[1] *Это не совсем точно: затылочные мышцы прикрепляются к отдельному затылочному гребню.— Примеч. пер.*

ВАМПИРЫ О СЕБЕ

(Обзор кровожадной литературы)

Грегори СЭНДАУ, американский журналист

Вампиры не знают, как они выглядят. Об этом заявил сам главный вампир граф Дракула в книге Фреда Сэберхагена «Записки Дракулы». Оказывается, вампиры не отражаются в зеркалах, и если к вам подходит благообразный господин и спрашивает, на месте ли у него галстук, так и знайте: это вампир! Интересно, а как вампиры бреются? Правда, тут Фред Сэберхаген нашел выход из положения: его герой признается еще в одной отличительной черте вампиров — у них не растет борода.

А седеют ли вампиры? Да. В том случае, если им не удается отведать свежей крови. И вот еще что характерно: как утверждает Джен Дженнингс, автор книги, незамысловато названной «Вампир», эти премилые создания весят «на десять килограммов больше, чем обычные люди того же роста и комплекции!». Именно этим физиологическим абсурдом объясняется тот факт, что вампиры не терпят воды: они просто боятся утонуть. Так что, если вам надо поймать вампира, загоните его на берег реки. При этом, естественно, надо вооружиться осиновым колом: как известно, это единственное оружие, способное поразить кровопийцу.

Клыки вампира незаметны потому, что, как утверждает Сэберхаген устами Дракулы, они имеют способность вырастать в тот момент, когда намечается «работа», и сокращаться, когда «работа» выполнена. Особенно в качестве пищи вампирам нравятся молодые девушки, а покусанные не до смерти сами становятся вампиршами.

Впрочем, все вышеперечисленное довольно традиционно для подобного рода литературы. Нынешние авторы книг про вампиров должны идти в ногу со временем. Поэтому в новейшей литературе вампир становится, например, мэром города Лос-Анджелеса, заражает своей пагубной страстью всю городскую верхушку, и до того не блиставшую высокими моральными качествами, и вот теперь в придачу ко многочисленным взяткам (имеются в виду просто деньги) отцы города еще и пьют буквально кровь граждан. Чем не политический намек? А героиня фильма «Дочери тьмы», насмотревшись детективов, совершает такие ужасающие убийства, что вампиризм кажется самым мягким из всех ее преступлений. Так, шалость.

Верить больше некому. В одном мексиканском телефильме вампиршей оказалась солидная мать семейства, вследствие чего дети содержат ее в

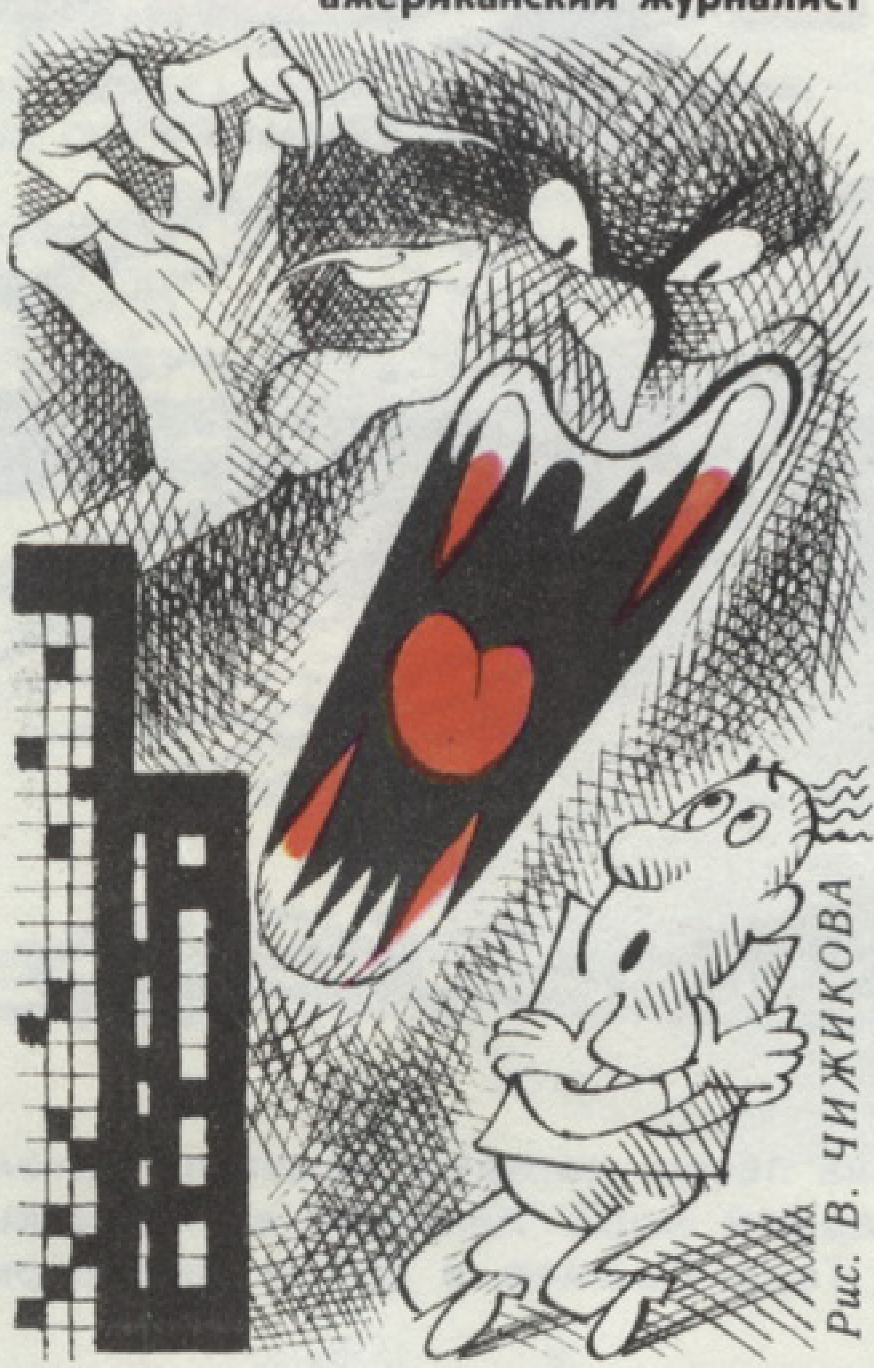


Рис. В. ЧИЖИКОВА

чулане. В другом фильме герой спасает свою невесту от покусов собственного отца, и вот хэппи энд: невеста склоняет головку на мощную грудь героя, и мы видим, как клык спасителя тянется к нежной шейке. Стефен Кинг, автор книги «Жребий Сэлема», объясняет сей акт философски: оказывается, жертвы сами заслуживают такого наказания: «В каждом из нас прячется тьма, и вампиры лишь показывают людям, какие они есть на самом деле». Вот он, современный пессимистический взгляд на жизнь: ужас, ужас везде и в каждом.

Но существует и современный оптимистический взгляд на жизнь: мы должны изучить, закаталогизировать и понять вампиров, тогда мы поймем и тот кавардак, что царит в наших душах. Все вышедшие недавно книги тем и отличаются: они представляют собой нечто вроде научных отчетов. Из них можно узнать, что температура тела у вампиров приблизительно 20 градусов, частота пульса 35 ударов в минуту; они мигрируют в пространстве, подчиняясь определенным законам, наподобие перелетных птиц; с возрастом клыки становятся все длиннее, а обладатели их все сильнее ненавидят свет; они могут умереть от голода, но никогда не болеют насморком; в полете они становятся близорукими. Некоторые авторы также уверяют нас, что, очистившись сердцем, вампир может перестать быть вампиром. Дошло до того, что авторы некоторых книг подвергают вампиров медицинскому освидетельствованию. В книге «Они жаждут» полиция захватила группу вампиров во время дневного сна и доставила в госпиталь. Озадаченные доктора... Нет никакой возможности рассказать, что они сделали: вампиры проснулись, и прощай люди в белых халатах. Вообще замечается некая потеря уважения к ужасному (видно, потому что его слишком много). Иные авторы-ревизионисты наделяют своих кровожадных героев таким количеством пороков, что начинаешь задумываться: а что, если вампиры черпают свои свойства в нас, жертвах? Авторы не щадят никого: в одной из книг Шерлок Холмс (!) имеет брата-близнеца вампира, а их дядюшка — сам легендарный Дракула. Можете представить, какая царит путаница? Но эту книгу можно хотя бы отнести к серии черного юмора.

А вот Джен Дженнингс, напротив, совершенно серьезна. Ее героиня, вампирша Вэлан, «тонкая, изящная, прекрасная, богатая», влюблена во вполне земного Тео, «высокого, красивого и умного». У Тео неизлечимое заболевание крови... Вот она, суть! Плюс ко всему атрибуты невозможно красивой жизни, внутренняя борьба бедняжки вампирши... Роскошное чтение для домохозяек.

«Голод», «Старый друг семейства», «Интервью с вампиром» — эти книги, плюс еще штук пять, вышли только за последний месяц. И не в самых низкопробных издательствах. О литературных достоинствах их говорить просто нечего — иные написаны так плохо, что воспринимаются как пародия. Вампиры, скрывающиеся под личиной благообразных миллионеров, вампиры — добропорядочные домохозяйки или же хиповатые интеллектуалы, вампиры-дети. Зачем нас так пугать? Неужто плохого и страшного в каждодневной жизни мало? Выходит, мало. Следовательно, у нашего общества еще колоссальные перспективы.

Перевела с английского Н. ХРОПОВА

Главный редактор: А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ (ответственный секретарь)

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Р. Г. Грачева

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 18.11.82. Подп. к печ. 18.12.82. А03432. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 900 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2003.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Перед вами, читатель, одна из песен, которую пронесли летом прошлого года по Европейскому континенту участники маршей мира. Написали ее известные западногерманские авторы и исполнители песен протеста Герд Семмер и Дитер Зюверкрюп. Русский текст Л. Криули.

ЭТО НАШЕ СЛОВО

1. Над Землею — тень, над планетой — страх,
Да, это так.
Вместо счастья — страх, вместо солнца — страх,
Да, это так.

Припев:
Вставайте, люди, хватит молчать!
За судьбы мира нам отвечать.
Сильней миллионеров — миллион,
Нас много, наше слово — закон!

2. Сотни новых бомб с каждым новым днем,
Да, это так.
Вместо новых бомб нужен хлеб и дом,
Да, это так!

Припев.

3. Общий дом — Земля, общий враг — война,
Да, это так.
Мир у нас один, жизнь у нас одна,
Да, это так!

Припев.

1. Alle haben Angst vor dem grossen Knall,
das ist doch klar.
Keiner will den Krieg, doch sie rüsten all,
das ist doch wahr.

Pripev:
Uns geht es an den Kragen, oja
wir solln die Folgen tragen, oja
wir wolln dazu was sagen, oja
auch wenn sie uns nicht fragen, oja

2. Wenn man rüsten will, braucht man Geld wie Stroh,
das ist doch klar.
Und das viele Geld fehlt dann anderswo,
das ist doch wahr.

Припев.

3. Wer den Frieden will, muss dafür was tun,
das ist doch klar.
Darum gehen wir in der Welt herum,
das ist doch wahr.

Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.